

ФАНТАСТИКА И ФЭНТЕЗИ

БК

Энн
Маккефри

САГА
О КОРАБЛЯХ

«АЗБУКА»

18+

!

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Энн Маккефри
Сага о кораблях

«Азбука»

1969-1999

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Маккефри Э.

Сага о кораблях / Э. Маккефри — «Азбука»,
1969-1999 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-34834-9

Межзвездный корабль по имени Хельва – корабль, который поет. Но это не единственное его достоинство. Он может испытывать скорбь, убивать, если это необходимо, и, конечно, побеждать, если от него ждут победы. Пять историй – романов и повестей – об этом. Умные корабли, как их принято называть, не просто механизмы из металла и электроники. Это человеческий мозг, обученный и внедренный в систему корабля, города, межпланетной станции, заменяющий любой коллектив и разумно выполняющий то, что невыносимо живыми руками. Но есть партнер, пилот, дублирующий действия корабля-основы. И отношения их складываются по-разному. В этом и состоит проблема – как выполнить поставленную тебе задачу и не перейти при этом линию обоюдных интересов... Переводы публикуются в новой редакции, повесть «Медовый месяц» – впервые на русском. В 2026 году мировое читательское сообщество отмечает столетие со дня рождения писательницы, и настоящее издание посвящено этому знаменательному событию.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-34834-9

© Маккефри Э., 1969-1999
© Азбука, 1969-1999

Содержание

Корабль, который пел[1]	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Энн Маккефри

Сага о кораблях

Anne McCaffrey

THE SHIP WHO SANG

Copyright © Anne McCaffrey, 1969

HONEYMOON

Copyright © Anne McCaffrey, 1977

THE SHIP THAT RETURNED

Copyright © Anne McCaffrey, 1999

PARTNERSHIP

Copyright © Anne McCaffrey, Margaret Ball, 1992

THE SHIP WHO SEARCHED

Copyright © Anne McCaffrey, Mercedes Lackey, 1992

All rights reserved

© А. С. Хромова, перевод, 2007

© И. С. Андронати, перевод, 2026

© Л. С. Шестаков, перевод, 2007

© В. П. Ковалевский (наследник), Н. П. Штуцер (наследники), перевод, 2001

© Т. В. Науменко (наследник), перевод, 1993

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Корабль, который пел¹

Роман

Глава 1

Корабль, который пел

Рождение едва не обрекло ее на смерть: она появилась на свет физически неполноценной. Последний шанс – контрольная энцефалограмма, тест, которому подвергались все новорожденные. Ведь всегда оставалась надежда, что в жалком тельце таится полноценный разум, что, несмотря на недоразвитые органы чувств, мозг обладает цепкостью и восприимчивостью.

Энцефалограмма оказалась неожиданно благоприятной, и эту новость поспешили сообщить ожидающим в печали родителям. Теперь от них зависело последнее, решающее слово – подвергнуть младенца умерщвлению или предоставить ему возможность стать заключенным в капсулу «мозгом», ведущим элементом сложнейшей системы управления – из тех, которые применялись в совершенно особых сферах деятельности. В этом качестве их отпрыску предстояло на протяжении нескольких веков вести безболезненное и даже вполне комфортное существование в металлической оболочке, неся свою необычную службу на благо Федерации Центральных миров.

Она осталась жить и получила имя Хельва. Три первых молочных месяца малютка размахивала скрюченными ручонками и слабо сучила обрубками ножек, как и все младенцы, наслаждаясь жизнью. Она была не одинока – в специальных яслях большого города подрастало еще три таких же ребенка.

Прошло некоторое время, и всех их перевели в Центральный Институт Экспериментальной Медицины, где для них началась череда постепенных тонких превращений.

Один младенец погиб в процессе первой же пересадки, но семнадцать малышей из группы Хельвы продолжали расти и развиваться в своих металлических капсулах. Теперь Хельва уже не сучила ножками – ее нервные импульсы вращали колеса – и не размахивала кулачками, а приводила в движение механические манипуляторы. По мере того, как девочка росла, все больше нервных синапсов включалось в управление механизмами, осуществляющими разнообразные функции пилотирования и эксплуатации космического корабля, ибо Хельве было суждено стать его неподвижной, «мозговой» половиной; роль же подвижной половины, или «мускулу», отводилась ее напарнику – мужчине или женщине, которого ей предстоит избрать самой, когда придет срок. Хельве повезло: она попала в высшую элиту себе подобных. Ее интеллектуальные тесты с самого начала давали результаты, превышающие средний уровень, а коэффициент адаптации был чрезвычайно высок. Поскольку ее развитие в капсуле протекало как нельзя лучше и операция на гипофизе не дала нежелательных осложнений, Хельву ожидала захватывающая, богатая событиями, неординарная жизнь, которая, как небо от земли, отличалась от той участи, что была бы ей уготована, уродись она обычным, «нормальным» человеком.

Однако ни диаграмма активности мозга, ни ранние показатели коэффициента умственного развития не обнаружили некоторых скрытых особенностей характера Хельвы. О них Центральным мирам еще предстояло узнать, раньше или позже, пока же оставалось одно – выжидать, уповая на то, что массивные дозы психологии капсульников пошли им на пользу, сформировав надежную защиту, способную выдержать как бремя пожизненного заключения в

¹ Т. Науменко

оболочке, так и тяготы необычной профессии. Ведь нельзя допустить, чтобы корабль, управляемый человеческим мозгом, ударился в бега или потерял рассудок: слишком огромны были материальные и энергетические ресурсы, вложенные в него мирами.

Разумеется, мыслящие корабли давно миновали стадию экспериментального освоения. Большинство младенцев благополучно переносили доведенную до высочайшего совершенства операцию на гипофизе, вследствие которой их тела прекращали расти, что исключало необходимость последовательных пересадок из меньших капсул в большие. И лишь ничтожный процент погибал в процессе окончательного присоединения к пульту управления космическим кораблем или сложнейшим промышленным агрегатом. Ростом капсульник, сохранявший все свои врожденные уродства, был не выше взрослого карлика, однако самое безупречное тело во Вселенной не могло бы соперничать в совершенстве с его мозгом – продуктом планомерного и целенаправленного развития.

Итак, несколько безмятежных лет Хельва разъезжала в своей скорлупе вместе с одноклассниками, играла с ними в особые игры («Срыв потока», «Утечка энергии»), изучала космические маршруты, ракетные двигатели, вычислительную технику, логику, психогигиену, основы инопланетной психологии, филологию, историю космонавтики, право, организацию межпланетных сообщений, коды – словом, все те премудрости, которые полагалось усвоить разумному, логично мыслящему, эрудированному гражданину Федерации. Незаметно для себя и к радости своих учителей, Хельва усваивала знания так же легко и непринужденно, как питательную жидкость. Когда-нибудь она с благодарностью вспомнит терпеливые, монотонные наставления, которые на подсознательном уровне впечатывали в ее память необходимые сведения.

Цивилизация, к которой принадлежала Хельва, не обходилась без хлопотливых благотворительных организаций, целью которых была защита обитателей Земли и других планет от бесчеловечного обращения. Одна из таких групп – Общество защиты интересов разумных меньшинств – как-то подняла шумиху вокруг детей-капсульников. Хельве в ту пору только только миновал четырнадцатый год. Под давлением общественности Центральные миры были вынуждены организовать для ОЗИРМ экскурсию по Институту Экспериментальной Медицины. Начали ее весьма эффектно – с демонстрации историй болезни, дополненных фотоматериалами. Очень немногие из проверяющих пошли дальше первых снимков. Большинство их первоначальных возражений по поводу несчастных пленников было сметено волной облегчения: какое счастье, что эти отвратительные тела милосердно убрали с глаз долой!

В тот день в классе Хельвы шел урок изобразительного искусства – факультативный предмет в перегруженной учебной программе. Девочка работала с набором микроскопических инструментов. Позже ей предстояло использовать их для мелкого ремонта деталей пульта управления. Задача перед ней стояла сложнейшая: выполнить копию «Тайной вечери». Полотно было совсем крохотным – головка малюсенького болта. Хельва настроила зрение на нужную кратность увеличения и принялась за дело. Во время работы она рассеянно мурлыкала – получался странный, но вполне мелодичный звук. Капсульники пользовались собственными голосовыми связками и диафрагмой, только звук выходил через микрофоны, а не через рот. Поэтому в голосе Хельвы, бездумно выводившем бесконечные рулады, несмотря на теплый, нежный тембр, ощущалось что-то механическое.

– Какой у тебя милый голосок, – заметила одна из дам.

Хельва, очнувшись, подняла взгляд и... перед ней предстала ошеломляющая картина: шелушащаяся розовая равнина, усеянная круглыми грязными кратерами. Ее мурлыканье перешло в возглас изумления, но она тут же спохватилась и отрегулировала зрение. Поры сразу уменьшились до обычного размера и перестали походить на кратеры.

– Видите ли, мадам, – невозмутимо ответила девочка, – наша голосовая подготовка длится несколько лет. Некоторое несовершенство голоса может стать сущим наказанием для

партнера во время длительного космического полета, поэтому недостатки необходимо заранее устранить. Эти уроки мне очень многое дали.

Хельва впервые увидела обычных людей, без капсул, и, к чести своей, перенесла испытание совершенно спокойно. Среагируй она как-то иначе, и это немедленно стало бы известно наверху.

– Я хотела сказать, милочка, что у тебя настоящий певческий голос, – пояснила дама.

– Благодарю за любезность. Не хотите ли взглянуть на мою работу? – вежливо осведомилась Хельва.

Она инстинктивно сторонилась бесед на личные темы, но слова гостьи запомнила и решила обдумать их на досуге.

– Работу? Какую работу? – не поняла дама.

– Я выполняю копию «Тайной вечери» на головке болта.

– О, неужели? – прошептала гостья.

Хельва снова настроила зрение на увеличение и окинула копию критическим взором.

– Конечно, некоторые цветовые тона несколько отличаются от тех, которые использовали старые мастера, да и перспектива слегка подкачала, но, по-моему, в целом копия мне удалась.

Глаза гостьи, неспособные разглядеть столь мелкий объект, недоуменно вытаращились.

– Ой, я совсем упустила из вида, – сказала Хельва виновато. Она бы, наверное, покраснела, если бы могла. – Ведь вы не можете перестроить зрение.

Руководитель экскурсии так и расплылся в одобрительной улыбке: в голосе девочки явственно звучала жалость к обделенным судьбой.

– Вот, возьмите, это вам поможет, – великодушно предложила Хельва и, ухватив манипулятором увеличительное устройство, поднесла его к своему творению.

Потрясенные визитеры склонились над ним, разглядывая скопированную до мельчайших деталей «Тайную вечерю», искусно запечатленную на головке болта.

– Остается сказать, – заметил пожилой господин, которого жена притащила с собой, – что всеблаготворитель Господь может вкушать пищу там, куда не осмеливаются ступить ангелы.

– Вы о тех дебатах, сэр, которые велись в Средние века? О том, сколько ангелов может уместиться на булавочной головке? – учтиво поинтересовалась Хельва.

– Да, я имел в виду их.

– Если заменить ангелов на атомы, то проблема не так уж неразрешима, если, конечно, знать количество металла в упомянутой булавке.

– И ваша программа позволяет решить эту задачу?

– Разумеется.

– А скажите, юная леди, в вашу программу не забыли ввести чувство юмора?

– Нет, сэр, нас учат развивать чувство пропорции, а это дает тот же эффект.

Добрый понимающе хохотнул, а про себя решил, что потратил время не зря.

И если комиссии наблюдателей потребовались месяцы на то, чтобы переварить концентрированную умственную пищу, которой их угостили в институте, то и Хельве от их визита кое-что перепало.

Термин «пение» в приложении к ней самой – с этим стоило разобраться. В свое время она, конечно, прошла курс музыкальной грамоты, включавший знакомство с наиболее известными классическими произведениями, такими как «Тристан и Изольда», «Кандид», «Оклахома», «Свадьба Фигаро», и, конечно, с творчеством певцов атомного века: Биргит Нильсон, Боба Дилана, Джеральдины Тодд, а также с любопытными ритмическими построениями венериан, с видеохроматическими картинками уроженцев Капеллы, акустическими изысками альтаирцев и напевами ретикулийцев. Однако сам процесс пения для любого капсульника технически сложен. Но не зря же их с детства приучали: сначала исследуй проблему или ситуацию со всех сторон и только потом делай вывод. Настрой на победу, должным образом уравновешен-

ный между двумя полюсами – оптимизмом и практичностью, – позволял им выкручиваться самим и выводить свой корабль и экипаж из самых запутанных ситуаций.

Поэтому Хельву нисколько не смутил тот факт, что она не может открывать рот, чтобы петь. Ничего, она изобретет какой-нибудь способ, который даст ей возможность компенсировать недостатки в этой области.

Для начала она изучила методы звукоизвлечения, существовавшие на протяжении веков, – как вокальное, так и инструментальное искусство. Ее собственный аппарат, служивший для извлечения звука, был скорее инструментальным, нежели вокальным. Выяснилось: чтобы добиться правильного дыхания и четкой артикуляции звуков в ротовой полости, придется серьезно потрудиться. Ведь капсульники, строго говоря, не дышат. Они не извлекают кислород и другие газы из атмосферного воздуха, поскольку нужная газовая смесь содержится в питательном растворе, подаваемом прямо в оболочку. Поэкспериментировав, Хельва пришла к выводу, что может создавать нужный тон, манипулируя диафрагмальной системой. А расслабляя мышцы гортани, расширяя ротовую полость и задействовав лобные пазухи, можно извлекать гласные звуки так, чтобы они с максимальным эффектом воспроизводились через горловой микрофон. Она сравнила полученные результаты с записями современных певцов и осталась довольна, хотя записи ее голоса отличались какой-то присущей лишь ей одной неуловимой особенностью. И дело было не в каких-то технических погрешностях – просто ее голос был совершенно уникален. Для Хельвы, которая в совершенстве освоила поиск информации, не составило никакого труда ознакомиться с музыкальным репертуаром, хранившимся в библиотеке института. И скоро она убедилась, что может исполнить любую партию, любую песню, которая придет на ум. Ей не приходило в голову, что кому-то это может показаться странным: девочка – и поет на все голоса, от баса до колоратурного сопрано. Для Хельвы все дело заключалось в правильном звукоизвлечении и регуляции диафрагмальных сокращений, задаваемых конкретным произведением.

Если наверху и заметили ее необычное увлечение, то виду не подали. Начальство только приветствовало, когда у капсульников появлялись хобби, лишь бы они не мешали их профессиональной деятельности.

Отпраздновав свое шестнадцатилетие, Хельва успешно окончила курс обучения и была инсталлирована на своем корабле – ХН-834. Ее постоянная титановая оболочка, окруженная внешним, еще более неуязвимым барьером, скрылась в центральном пилоне корабля. Все нервные, зрительные, слуховые, сенсорные контакты были смонтированы и опечатаны. Манипуляторы снабжены новыми удлинителями, соединениями, усилителями. И наконец, непостижимо тонкие мозговые выводы присоединены к цепям управления. Все эти процедуры Хельва перенесла под полной анестезией, а очнувшись от забытья она уже кораблем. Ее мозг и разум управляли всеми функциями – от навигации до определения нагрузки, соответствующей разведывательному кораблю ее класса. Она могла нести полную ответственность за себя и своего подвижного партнера, «мускула», не только в любой из ситуаций, уже зарегистрированных в анналах Центральных миров, но и в любой из ситуаций, которые их самые изощренные умы сумели изобрести.

Ее первый же настоящий полет – ибо она и ей подобные начиная с восьми лет совершали учебные полеты на тренажерах – продемонстрировал, что она в совершенстве владеет всеми тайнами своего ремесла. Она была готова к захватывающим приключениям и с нетерпением ожидала появления подвижного напарника.

В тот день, когда Хельва доложила, что готова приступить к выполнению своих обязанностей, на базе томились от безделья девять дипломированных пилотов-скаутов. Несколько рейсов требовали первоочередного внимания, но на Хельву уже давно положили глаз руководители многих служб Центральных миров, и каждый был полон решимости заполучить ее в свою епархию. Все были так заняты своими делами, что никто не удосужился представить

Хельву будущим соискателям. Ведь корабль всегда сам выбирал себе напарника. Будь в это время на базе другой «мозг», он подсказал бы Хельве, что ей следует самой сделать первый шаг. Но вышло так, что, пока миры выясняли отношения между собой, Роберт Тэннер выскользнул из казармы пилотов и, миновав летное поле, подобрался к стройному серебристому корпусу Хельвы.

– Привет! Есть кто дома? – спросил он.

– Конечно есть, – ответила Хельва, включая наружные видеодатчики. – Ты мой напарник? – с надеждой спросила она, увидев на незнакомце форму Службы.

– Все будет зависеть от тебя, – томно отозвался он.

– Никто не идет. Я уже подумала, что здесь нет ни одного свободного партнера, и от миров никаких инструкций не поступает...

Хельва и сама почувствовала, что ее слова прозвучали довольно жалобно, но ей действительно было очень грустно одной на погруженном в темноту поле. Ведь она привыкла к обществу других капсульников, а в последнее время вокруг нее постоянно сустились безликие толпы инженеров и техников. Затянувшееся одиночество быстро утратило свое очарование и стало действовать ей на нервы.

– Стоит ли печалиться, что миры не торопятся с инструкциями? Зато, моя красавица, еще восемь молодцов, кроме меня, так и сгорают от нетерпения, ожидая, чтобы ты пригласила их на борт!

Эти слова Тэннер произнес, уже стоя в центральной рубке. Чуткие пальцы пилота пробежали по пульту управления, погладили пилотское кресло. Он заглянул в каюты, в камбуз, в герметичные грузовые отсеки.

– А знаешь, если хочешь напомнить мирам о себе, а заодно и оказать услугу всем нам, вызови казарму, и давай устроим горячую вечеринку с выбором партнера! Как тебе моя идея?

Хельва хихикнула про себя. Как он отличается от институтского персонала или редких посетителей, с которыми ей доводилось встречаться. Какой он веселый, уверенный, до чего отличная мысль – устроить вечеринку на борту! По ее мнению, это никак не противоречило установленным правилам.

– Ценком, это Икс-Эйч-восемь-три-четыре. Соедините меня с казармой пилотов.

– Связь визуальная?

– Да, пожалуйста.

На экране возникла картина: восемь томящихся людей в позах, выражающих крайнюю степень скуки.

– Говорит Икс-Эйч-восемь-три-четыре. Не соблаговолят ли свободные пилоты подняться ко мне на борт?

Восемь фигур заматались по комнате, хватая одежду, сбрасывая наушники, выпутываясь из простынь и одеял. Хельва дала отбой, а Тэннер, довольно посмеиваясь, уселся в кресло дожидаться прибытия товарищей.

Хельву же охватило доселе неведомое ей чувство тревожного ожидания. Наверное, ни одна дебютантка не испытывала такого панического ужаса, волнения и неуверенности. Но в отличие от начинающей актрисы, она не могла закатить истерику, разбить фарфоровую безделушку или разбросать косметику, чтобы хоть как-то ослабить гнетущую тревогу. Зато она могла проверить ассортимент напитков и закусок, чем и занялась, заодно угостив Тэннера из своих нетронутых продовольственных запасов.

На пилотском жаргоне пилотов называли «мускулами» – в противоположность «мозгам», которыми, собственно, были их корабли. Они проходили такую же насыщенную программу подготовки, как и «мозги», и только один процент с каждой планеты, входящей в Федерацию, допускался к занятиям по особой учебной программе Центральных миров, рассчитанной на пилотов-скаутов. Так что не было ничего удивительного в том, что все восемь молодых людей,

которые поднялись в гостеприимно открытый шлюз Хельвы, были на редкость хороши собой, умны, обладали прекрасной координацией и выдержкой. Все они с надеждой ожидали веселой пирушки, если, конечно, Хельва не будет возражать, и каждый был готов подложить свинью остальным, лишь бы снискать ее расположение.

От появления стольких мужчин сразу у Хельвы даже дух захватило, и, решив, что может на секундочку позволить себе такую необычную роскошь, она целиком отдалась новому для себя чувству.

Потом придирчиво разобрала соискателей по косточкам. Проныра Тэннер забавлял ее, но не привлекал; белокурый Нордсен показался простоватым; в смуглом аль-Атпае она почувствовала скрытое упрямство, которое ей было явно не по нутру, в сумрачном Мир-Анине уловила намеки на некий внутренний разлад, справляться с которым у нее не было никакого желания, хотя он как никто другой старался произвести на нее впечатление. Да, странное это было сватовство – первое в череде ее будущих браков: ведь для «мускула» срок службы составлял семьдесят пять лет или того меньше, уж как судьба распорядится. «Мозг» же, защищенный от всех внешних воздействий, был не подвержен разрушению. Теоретически, как только капсульник выплачивал солидный долг, слагавшийся из затрат на образование, хирургическую адаптацию и эксплуатационное обслуживание, он имел право сам выбирать себе будущее. На практике же капсульники оставались на службе, пока не избирали добровольное саморазрушение или не погибали, исполняя свой долг.

Хельве довелось общаться с одним капсульником, которому исполнилось триста двадцать два года. Эта встреча наполнила ее таким благоговением, что она так и не посмела задать кое-какие личные вопросы. Хотя и собиралась.

Она никак не могла решиться сделать выбор, пока Тэннер не затянул популярные в пилотской среде куплеты о передрягах, выпадавших на долю дерзкого, самоуверенного и на редкость бестолкового Билли-«мускула». Попытка исполнить их хором привела к полной какофонии, и Тэннер бешено замахал руками, требуя тишины.

– Нам просто позарез необходим отличный первый тенор. Ну-ка, Дженнан, открой свои козыри. Какой у тебя голос?

– Прескверный, – с непринужденным юмором откликнулся Дженнан.

– Если без тенора никак не обойтись, я могу попробовать, – отважилась Хельва.

– Но, милочка... – изумился Тэннер.

– Ну-ка, спой ля, – засмеялся Дженнан.

В ошеломленной тишине, воцарившейся после того, как отзвучало чистое, глубокое, сочное ля, Дженнан тихо заметил:

– Карузо отдал бы все остальные ноты, лишь бы взять одну такую.

Пришлось продемонстрировать им весь диапазон.

– Тэннеру был нужен всего-навсего отличный первый тенор, – рассмеялся Дженнан, – а наша милая хозяйка может одна заменить целую оперную труппу. Парень, который получит этот корабль, отправится прямиком на седьмое небо.

– К туманности Конская Голова? – спросил Нордсен, цитируя бытовавшую в мирах старую поговорку.

– К туманности Конская Голова и обратно, да еще и с музыкой, – кокетливо парировала Хельва.

– С тобой я готов, – отозвался Дженнан, – только с моим голосом лучше слушать, а петь я предоставляю тебе.

– А я-то надеялась, что слушать придется мне, – заметила Хельва.

Дженнан изобразил изысканный поклон и даже изящно взмахнул своей изрядно потрепанной фуражкой. При чем поклон его был направлен точно в адрес центрального пилона, где находилась сама Хельва. И именно в этот миг она сделала свой выбор, причем отнюдь не слу-

чайно: Дженнан, единственный из всех, обращался прямо к ней как к человеку, несмотря на то что, без сомнения, знал: она может видеть его в любой точке корабля, и не важно, что тело ее скрыто за толстой металлической панелью. На протяжении всего их будущего союза Дженнан, где бы он ни находился, ни разу не забудет при разговоре повернуть голову в ее сторону. В ответ Хельва начиная с этого мгновения всегда будет обращаться к нему только через центральный динамик, пусть даже это не всегда уместно.

В тот вечер Хельва еще не поняла, что влюбилась в Дженнана. Да и как ей было узнать тот взволнованный трепет, который рождала в ней его душевная теплота, его спокойная раздумчивость, – ведь до сих пор она не знала ни любви, ни нежности – только их более суровых собратьев, уважение и восхищение... Как и все капсульники, она считала, что неуязвима для чувства, так тесно связанного с физическим влечением.

– Ну что ж, Хельва, было чертовски приятно познакомиться, – вдруг произнес Тэннер, когда Хельва и Дженнан обсуждали барочное звучание хорала «Придите все, сыны творенья». – А ты, Дженнан, везунчик! Как-нибудь встретимся в космосе. Спасибо за вечеринку, Хельва.

– Как, тебе уже пора? – спросила Хельва, запоздало заметив, что они с Дженнаном уже довольно давно беседуют вдвоем.

– Победил сильнейший, – с натянутой улыбкой ответил Тэннер. – А я, пожалуй, пойду поищу записи любовных серенад. Может, пригодятся в общении со следующим кораблем, если появится еще один вроде тебя.

Хельва с Дженнаном в легком замешательстве проводили его взглядами.

– Может быть, Тэннер слишком спешит с выводами? – спросил Дженнан.

Хельва разглядывала его: вот он стоит, прислонившись к консоли, лицом к ее капсуле: руки скрещены на груди, стакан, который он задумчиво вертит в пальцах, давно опустел. Спору нет, красив. Но они все хороши собой. Да и не это главное... Его внимательные глаза смотрят прямо и открыто, губы легко складываются в улыбку, но особенно очаровал Хельву голос Дженнана – звучный, глубокий, приятного тембра и безо всякого акцента.

– Не торопись, Хельва, утро вечера мудренее. А если не передумаешь, позови меня утром.

Она позвала его к завтраку, предварительно проверив свой выбор в банке данных Центральных миров. Дженнан перенес пожитки на борт, получил полетные инструкции для «мозга» и «мускула», ввел личное и служебное досье в ее память и задал ей координаты первого пункта назначения. После чего корабль ХН-834 стал официально именоваться JH-834.

Их первый рейс оказался скучным, но необходимым заданием, к тому же чрезвычайно срочным. В борьбе за Хельву верх одержали медики, и теперь JH-834 предстояло забросить вакцину в отдаленную планетную систему, пораженную опасной споровой инфекцией. Перед ними стояла задача как можно скорее добраться до Спики в созвездии Девы.

После головокружительного стартового броска на максимальной скорости Хельва убедилась: в этом нудном полете ни ей, ни напарнику не придется особенно напрягаться. Зато у них оставалась масса времени для того, чтобы как следует узнать друг друга. Дженнану, разумеется, было известно, на что способна Хельва как корабль и партнер, да и она тоже знала, чего от него следует ожидать. Но все это были только сухие факты, а Хельва всей душой стремилась изведать ту человеческую сторону своего напарника, которую невозможно свести к набору символов. Ведь это все равно что пытаться понять взаимоотношения двух людей, прочитав о них в книге. Нет, такое нужно прочувствовать самой...

– Мой отец тоже был спасателем – или это есть в твоей памяти? – сказал Дженнан на исходе третьего дня.

– Конечно есть.

– А знаешь, так нечестно. Ты о моей семье знаешь все, а я о твоей – ни шиша.

– Как и я сама, – отозвалась Хельва. – Пока я не прочла твою семейную хронику, мне как-то даже в голову не приходило, что где-то в банке данных Центральных миров содержатся сведения и о моих родителях.

– Ох уж эта психология капсульников! – фыркнул Дженнан.

– А ты думал! – рассмеялась Хельва. – Я даже запрограммирована от ненужного любопытства по этому поводу. Чего и тебе желаю.

Дженнан заказал себе напиток, уселся в противоперегрузочное кресло прямо перед ней и, поставив ступни на подножки, стал лениво вертеться на шарнирах из стороны в сторону.

– Хельва – это придуманное имя.

– Со скандинавским оттенком.

– Но ты не блондинка, – уверенно сказал Дженнан.

– Значит, бывают темные шведки.

– И белобрысые турки. Правда, султан из меня неважный – ведь в моем гареме только ты одна.

– К тому же твоя единственная женщина обречена на вечное затворничество. Однако ты всегда можешь поискать утешения на стороне...

Хельва ошеломленно отметила, что ее прекрасно поставленный голос предательски дрогнул.

– Ты знаешь, – перебил ее Дженнан, витавший где-то далеко в своих мыслях, – у меня создалось впечатление, что отец мой был женат в первую очередь на Сильвии, своем корабле, а уж потом на матери. Постепенно я привык считать Сильвию своей бабушкой. Вообще-то, она скорее прапрабабушка – у нее номер начинался с четверки. Раньше мы с ней, бывало, болтали часами.

– А какой у нее номер? – спросила Хельва, неосознанно завидуя всем до единого, кому доводилось знать Дженнана прежде.

– Четыреста двадцать два. По-моему, сейчас ее инициалы TS. Я как-то повстречал Тома Берджеса.

Отец Дженнана умер от космической инфекции – у него не осталось вакцины, вся ушла на спасение обитателей далекой планеты.

– Том сказал, что она стала сурова и резка на язык. «Только попробуй утратить свое очарование, милочка! Я обращусь в призрак и стану тебя преследовать», – пригрозил он.

Хельва засмеялась.

И тут он ее испугал: подошел к центральному пилону, легко и нежно провел пальцами по смотровой панели.

– Хотел бы я знать, какая ты... – тихо и чуть печально проговорил он.

Хельву предупреждали, что для пилотов вполне естественно такое проявление любопытства. Она не знала о себе ничего, и никто из них тоже не сможет узнать.

– Выбирай любую внешность на выбор – и я твоя! – ответила она, как ее учили.

– Тогда, железная дева, я предпочитаю блондинок с длинными локонами.

Дженнан изобразил кудри в стиле леди Годивы.

– И поскольку, моя радость, ты закована в титановую броню, я буду звать тебя Брунгильдой, – он церемонно поклонился.

Хельва прыснула и запела арию Брунгильды. Как раз в это время Спика вышла на связь.

– Что это, черт возьми, за вопли? Вы кто такие? Валите отсюда, если только вы не медицинская служба Центральных миров. У нас эпидемия. Всем даем от ворот поворот.

– Это мой корабль поет. Мы Джей-Эйч-восем-три-четыре, Центральные миры, доставили вам вакцину. Дайте координаты для посадки.

– Твой корабль... поет?

– Да, и у него самый большой диапазон во всем обитаемом космосе. Есть еще вопросы?

ЈН-834 сдал груз вакцины, на этот раз обойдясь без арий, и получил приказ немедленно отправляться к Левиту-4. Добрались они быстро, но слухи оказались еще быстрее, и Дженнану пришлось защищать девичью честь Хельвы.

– Я больше не буду петь, – сокрушенно бормотала Хельва, готовя примочки для третьего за неделю фонаря под глазом.

– Еще как будешь, – стиснув зубы, пробурчал Дженнан. – Даже если мне придется ставить фингалы отсюда и до самой Конской Головы, чтобы заставить шутников заткнуться, мы все равно останемся кораблем, который поет.

После того как Корабль, Который Поет столкнулся в районе Малого Магелланова Облака с небольшой, но жестокой шайкой торговцев наркотиками – и одержал верх, этот титул стал произноситься с нескрываемым уважением. Мирам были известны все их подвиги, и в досье ЈН-834 появилась пометка «обратить особое внимание». Первокласная команда отлично притиралась.

Вывавшись из плена, где они пробыли довольно долго, Дженнан с Хельвой тоже стали считать себя первокласной командой.

– Из всех существующих во вселенной пороков больше всего я ненавижу наркоманию, – заметил Дженнан, когда они взяли курс на Центральную базу. – Люди и без помощи наркотиков могут быстренько отправиться напрямиком в ад.

– Ты затем и пошел в скауты? Чтобы остановить поток наркотиков?

– Могу поспорить, что официальный ответ содержится у тебя в памяти.

– Слишком уж он напыщенный: «Хочу продолжать традиции своей семьи, которая по праву гордится четырьмя поколениями на службе», если мне будет позволено процитировать твои собственные слова.

Дженнан бессильно застонал.

– Я был совсем мальчишкой, когда написал это! И уж конечно, еще не прошел заключительный этап подготовки. На заключительном этапе мне бы просто гордость такое не позволила. Я уже говорил тебе, что частенько навещал отца на борту Сильвии. Теперь-то я понимаю, что она положила на меня глаз – решила сделать преемником отца. Ведь я к тому времени уже получил лошадиные дозы пропаганды в пользу службы, и она не могла не подействовать. С тех пор как мне стукнуло семь, я твердо решил, что стану только пилотом-скаутом, и никем другим.

Он пожал плечами, будто укоряя себя за детские мечтания – кто тогда предполагал, чего будет стоить довести их до осуществления.

– Вот оно что? Отважный скаут Сахир Силан на Си-Ди-четыре-два двадцать два врывается в туманность Конская Голова?

Дженнан предпочел пропустить ее колкость мимо ушей.

– С тобой я готов отправиться даже в такую даль. Но несмотря на все подначки Сильвии, я даже в самых смелых мечтах никогда не стремился к славе. Так что предоставляю тебе пожинать все лавры. А меня удовлетворит и небольшой вклад в историю космонавтики.

– Что так скромно?

– Просто я трезво смотрю на вещи. Мы живем, чтобы служить, и так далее...

Театральным жестом он прижал руку к сердцу.

– Тщеславный тип! – фыркнула Хельва.

– Кто бы говорил, подружка. Разве не ты бредишь туманностью Конская Голова? Я, по крайней мере, человек бескорыстный. Таких героев, как мой отец, считанные единицы, но и мне хотелось бы, чтобы меня запомнили. Да и кому не хотелось бы? Зачем иначе мы на каждом шагу рискуем жизнью?

– Позволь напомнить тебе некоторые неоспоримые факты. Твой отец умер, возвращаясь с Персиды. Так что он никак не мог узнать, что стал героем благодаря тому, что пошел на

смертельный риск. И что это помогло колонии на Персиде выжить. Что, в свою очередь, дало возможность открыть антипаралитические свойства тамошней атмосферы. Но он-то об этом так никогда и не узнал!

– Зато я знаю, – тихо промолвил Дженнан.

Хельва сразу же пожалела о своей резкой отповеди. Ведь она прекрасно знала, как сильно Дженнан привязан к отцу. В его досье говорилось, что смириться с гибелью отца ему помог лишь неожиданно благоприятный исход событий на Персиде.

– Факты бесчеловечны, Хельва. Зато отец был человечен, и я такой же. Да и ты тоже – в душе. Загляни в себя, восемь-три-четыре. За всеми проводками, которыми тебя опутали, бьется сердце – пусть маленькое, но обычное человеческое сердце. Воистину так.

– Прости меня, Дженнан, – тихо проговорила она.

После секундного раздумья Дженнан протянул руку и ласково похлопал по панели, за которой находилась ее капсула.

– Если нас когда-нибудь снимут с этих нудных рейсов, мы сразу рванем к нашей туманности. Договорились?

Как это часто случалось в службе, не прошло и часа, как они получили приказ изменить курс, правда не к туманности, а к недавно колонизированной системе с двумя обитаемыми планетами, одна из которых была тропической, а вторая ледниковой. Ее солнце, носившее имя Равель, стало проявлять опасную неустойчивость: его спектр можно было сравнить с излучением стремительно взрывающейся бомбы, причем линии поглощения быстро смещались в сторону фиолетового. Все возрастающее выделение тепла уже привело к эвакуации ближайшей к светилу планеты, Дафниса. И диаграмма спектрального излучения давала все основания предполагать, что солнце в самом скором времени спалит и вторую планету, Хлою. Всем кораблям, оказавшимся поблизости от района бедствия, предписывалось поступить в распоряжение спасательного штаба на Хлое и оказать помощь в срочной эвакуации оставшихся на планете колонистов.

Дженнан поспешил заявить о себе и получил приказ отправиться в отдаленные районы Хлои – нужно было подобрать затерянных в глуши поселенцев, которые, судя по всему, не понимали серьезности создавшегося положения. Температура на Хлое уже поднялась выше точки замерзания – впервые за всю историю планеты. Но на беду, многие колонисты принадлежали к секте религиозных фанатиков, которые поселились на суровой Хлое, дабы подготовить себя к жизни, исполненной набожного созерцания. И резкую оттепель на планете они приписывали совсем иному источнику, нежели взбесившееся солнце.

Дженнан тратил столько времени, убеждая упрямец, что они с Хельвой отчаянно отстали от графика, а еще нужно было забрать людей из последнего, четвертого поселения.

Хельва перенеслась через высокую гряду зазубренных вершин, которые окружали уединенную долину, защищая ее как от бушевавших еще недавно снежных бурь, так и от нынешнего вторжения тепла. Когда они совершили посадку, ослепительное солнце, окруженное пылающей короной, еще только начинало заливать своими лучами глубокую долину.

– Пусть хватают зубные щетки и прыгают на борт, – сказала Хельва. – Штаб настоятельно советует поторопиться.

– Гляди-ка, одни женщины, – удивился Дженнан, выходя навстречу поселенцам. – Или мужчины на Хлое тоже носят меховые юбки?

– Постарайся их очаровать, но по возможности будь краток. И переключись на двустороннюю персональную связь.

Дженнан, улыбаясь, вступил в переговоры, но все его объяснения относительно цели неожиданного визита были встречены с глухим недоверием и даже сомнением: а тот ли он, за кого себя выдает. Он мысленно застонал: матриарх принялась излагать уже знакомую ему местную теорию наступившего потепления.

– Досточтимая мать, ваши молитвы дали слишком бурный эффект – солнце вот-вот взорвется. Я прибыл, чтобы отвезти вас в космопорт Розари...

– В этот Содом? – Достойная матрона наградила молодого человека возмущенным взглядом, единственно возможным ответом на кощунственное предложение, и содрогнулась от омерзения. – Благодарим вас за предупреждение, но у нас нет никакого желания сменить нашу обитель на суетный мир. А теперь нам пора вернуться к утреннему созерцанию, которое было прервано...

– Оно будет прервано навсегда, если вы изжаритесь живьем. Нужно отправляться немедленно, – твердо заявил Дженнан.

– Госпожа, – вмешалась Хельва, рассчитывая, что в этот решающий миг женский голос может оказаться весомее мужского обаяния Дженнана.

– Кто говорит? – вздрогнула монахиня, напуганная бестелесным голосом.

– Я Хельва, корабль. Вы и ваши сестры по вере могут смело прийти под мою защиту, не опасаясь оскверняющего соседства с мужчиной. Я обязуюсь вас охранять и доставить в специально подготовленное для вас место целыми и невредимыми.

Матушка осторожно заглянула в открытый люк корабля.

– Поскольку только в Центральных мирах разрешено применение подобных кораблей, я, молодой человек, прихожу к выводу, что вы нас не обманываете. И все же нам и здесь ничто не угрожает.

– Сейчас температура в Розари уже девяносто девять градусов², – заметила Хельва, – и, как только прямые лучи солнца проникнут в вашу долину, здесь она тоже поднимется до девяносто девяти, а к концу дня обещает достичь ста восьмидесяти. Я вижу, что ваши дома построены из дерева и проконопачены мхом. Мох сухой, как трут. К полудню он воспламенится.

Солнце стало просачиваться в долину, и его обжигающие лучи упали на кучку женщин, пугливо жмущихся вокруг матушки. Вот уже кое-кто расстегнул ворот мехового одеяния.

– Дженнан, – предупредила Хельва по внутренней связи, – время на исходе.

– Пойми, Хельва, я не могу их оставить. Взгляни, некоторые из них совсем девочки.

– И к тому же прехорошенькие. Не удивительно, что матушка тебе не доверяет.

– Хельва!..

– На все воля Божья, – изрекла матушка, поворачиваясь к спасателю спиной.

– Даже на то, чтобы сгореть живьем? – крикнул ей вслед Дженнан, но она, не оборачиваясь, двинулась сквозь строй ропщущей паствы.

– Они желают стать мученицами? Это их право, Дженнан, – бесстрастным голосом произнесла Хельва. – А нам пора – у нас другого выбора нет.

– Подумай, Хельва, разве я могу их бросить?

– Ты хочешь повторения Персиды? – язвительно осведомилась Хельва, видя, как он бросился вперед, пытаясь поймать одну из женщин. – Не можешь же ты затаскивать их на борт по одной, к тому же нам некогда играть в догонялки. Возвращайся, Дженнан, или я подам на тебя рапорт.

– Но они погибнут, – удрученно бормотал Дженнан, неохотно направляясь в сторону корабля.

– Мы не имеем права рисковать собой, – в душе сочувствуя ему, ответила Хельва. – У нас и так времени в обрез – только-только успеваем на встречу. К тому же лаборатория сообщает о критическом ускорении спектральной эволюции.

Дженнан уже вошел в воздушный шлюз, когда одна из женщин помоложе с криком бросилась следом и протиснулась в закрывающийся люк. Остальные последовали ее примеру. В панике все они лезли сквозь узкую щель. Корабль вскоре был набит битком, но внутри всем

² Здесь и далее – по Фаренгейту.

места не хватило. Дженнан выдал скафандры трем женщинам, которым пришлось вместе с ним остаться в воздушном шлюзе. И он потратил драгоценное время, убеждая преподобную матрону облачиться в скафандр: это совершенно необходимо, потому что в воздушном шлюзе нет автономных кислородных и охлаждающих систем.

– Мы рискуем сильно влипнуть, – мрачно сказала Дженнану Хельва по внутренней связи. – На этой, с позволения сказать, посадке мы потеряли восемнадцать минут. Я слишком перегружена, чтобы развить максимальную скорость, а она нам необходима, если мы хотим обогнать тепловую волну.

– Ты можешь подняться? Мы уже надели скафандры.

– Подняться-то могу, – ответила она, отрываясь от земли. – А вот разогнаться – не уверена.

Дженнан, прижимавший к себе перепуганных женщин, ощущал неуверенность и даже неуклюжесть, с которой Хельва одолевала подъем. Она безжалостно удерживала полную тягу как можно дольше, не обращая внимания на то, что скученные в ее корпусе женщины жестоко страдали от чудовищного ускорения, а две получили смертельные увечья. Приходилось идти на жертвы, чтобы спасти остальных. Но по-настоящему заботил Хельву лишь один человек – Дженнан, и мысль о его судьбе наполняла ее душу леденящим ужасом. Воздушный шлюз, не имевший ни подачи воздуха, ни системы охлаждения, защищенный всего одним слоем обшивки вместо трех, отнюдь не был безопасным убежищем для четырех заключенных в нем людей. Да, у них были скафандры, но всего лишь стандартные модели, не рассчитанные на защиту от избыточного тепла, которое вот-вот обрушится на корабль.

Хельва мчалась на предельной скорости, но колоссальная тепловая волна от взорвавшегося солнца настигла ее на полпути к спасительному холоду космоса.

Она оставалась глуха к крикам, стонам, мольбам и заклинаниям, звучавшим в каютах, но прислушивалась к хриплому, измученному дыханию Дженнана, к перебоям в системе очистки его скафандра, к усталому чавканью перегруженной системы охлаждения. Она беспомощно слушала истерические вопли его спутниц, корчащихся в адской жаре. Напрасно Дженнан старался их успокоить, старался уговорить их потерпеть – еще чуть-чуть, и их ждут безопасность и прохлада. Обезумев от страха и муки, они набросились на него в тесном пространстве шлюза. Чья-то рука, занесенная для удара, зацепила шланг, ведущий к системе жизнеобеспечения, и тут случилось непоправимое. От жары и сильного рывка герметичность соединения нарушилась.

И Хельва, при всех безграничных ресурсах, бывших в ее распоряжении, не смогла, не сумела его спасти. Она могла лишь беспомощно наблюдать, как Дженнан судорожно вздохнул, повернул голову, умоляюще взглянул на нее... и умер.

Только усиленное программирование, которому ее подвергали все годы обучения, помешало Хельве развернуться и ринуться прямо в раскаленное сердце взорвавшейся звезды. Окаменев от горя, она присоединилась к конвою беженцев, безропотно переправила своих обожженных, обессиленных от жары пассажиров на ожидавший их корабль.

– Я оставлю тело моего пилота на борту и проследую к ближайшей базе для погребения, – безжизненным голосом сообщила она мирам.

– Тебе будет предоставлен эскорт, – ответили ей.

– Никакой эскорт мне не нужен.

Ответ был короткий:

– Икс-Эйч-восемь-три-четыре, эскорт выслан.

Итак, снова икс, первая буква имени Дженнана уже исчезла из имени корабля – так скоро! Потрясение было столь острым, что Хельва даже не сумела возразить. Оглушенная, она молча ожидала рядом с транспортным конвоем, пока на ее экранах не появились очертания двух

стройных «умных» кораблей. И вот уже все трое устремились к дому со скоростью, которая – увы! – мало напоминала мерную поступь погребального кортежа.

– Восемь-три-четыре, Корабль, который поет?

– Все мои песни спеты.

– Твоим пилотом был Дженнан?

– Мне не до бесед.

– Я четыреста двадцать два.

– Сильвия?

– Сильвия давно умерла. А я – четыреста двадцать два. Сейчас мои инициалы MS, – отрезал корабль. – Наш второй спутник Эй-Джи-шестьсот сорок, но Генри нас не слушает. И это только к лучшему – вздумай ты удариться в бега, он не смог бы тебя понять. Но, если бы он попытался тебе помешать, я бы его остановила.

– В бега? – от этой мысли всю апатию Хельвы как рукой сняло.

– Ну да. Ведь ты еще так молода. Запаса энергии тебе хватит на многие годы. Возьми да удери. Ведь ты не первая. Семьсот тридцать два исчезла двадцать лет назад – после того, как потеряла своего напарника в полете к белому карлику. С тех пор ее никто не видел.

– Я никогда не слышала о беглецах.

– Будь уверена, детка, в школе ты об этом и не услышишь, – ответила 422. – Ведь это как раз то, от чего нас так старательно программируют.

– Нарушить заложенную программу? – в отчаянии крикнула Хельва, с тоской вспоминая ослепительное, добела раскаленное сердце звезды, которую она так недавно покинула.

– Думаю, сейчас это далось бы тебе без всякого труда, – тихо проговорила 422, и в ее голосе уже не было прежней горечи. – Ведь звезды по-прежнему мерцают в небе.

– Летать одной? – ошеломленно воскликнула Хельва.

– Одной! – сурово подтвердила четыреста двадцать два.

Остаться наедине с пространством и временем... где даже далекая туманность Конская Голова больше не будет пугать ее своей недостижимостью. Наедине с сотнями лет грядущей жизни, наполненной воспоминаниями о Дженнани и... больше ничем.

– Скажи, Персида стоила той жертвы, которую ты ей принесла? – тихо спросила Хельва.

– Персида? – удивленно переспросила та. – Ты имеешь в виду его отца? Да. Мы были там, на Персиде, когда без нас было не обойтись. Так же, как ты... с его сыном... на Хлое. Они тоже не могли обойтись без вас. Не знать, где ты необходим, не быть там, где нужна твоя помощь, – преступление.

– Но мне необходим он. Кто утолит мою нужду? – с горечью бросила Хельва...

– Восемьсот тридцать четыре, – сказала четыреста двадцать два после того, как они целый день летели бок о бок в полном молчании, – миры ждут твоего рапорта. На Регуле тебя ожидает замена. Пора менять курс.

– Замена?

Только не сейчас, не так скоро... Напоминание о новом напарнике грубо нарушило щемящую пустоту, которую оставил в ее душе Дженнан. Но ведь ее корпус едва успел остыть от обжигающего жара Хлои! Хельва ощущала первобытное желание выждать время, чтобы в одиночестве оплакать свою утрату.

– Любой из них сойдет, если ты первоклассный корабль, – философски заметила сказала 422. – Замена – как раз то, что тебе нужно. И чем скорее, тем лучше.

– Ты ведь сказала им, что я не собираюсь удариться в бега? – спросила Хельва.

– Ты сама упустила момент, как, впрочем, и я после Персиды. А еще раньше – после Глен Архура и Бетельгейзе.

– Мы запрограммированы на выживание. Мы просто не способны бросить все и сбежать. Ты испытывала меня.

– Поневоле пришлось. Мне приказали. Даже психологи не знают, почему корабль вдруг ударяется в бега. Миры беспокоились. И мы, твои друзья, тоже, сестренка. Я сама напросилась в эскорт. Не хотела... потерять вас обоих.

Как ни тяжело было Хельве, все же она ощутила прилив благодарности к Сильвии за ее грубоватое сочувствие.

– Никого из нас, Хельва, сия чаша не миновала. И поверь, это не просто слова утешения. Помни: если бы мы не умели сродниться со своими пилотами, то так и остались бы машинами, начиненными всяким хламом.

Хельва взглянула на неподвижное тело Дженнана, застывшее под саваном, и слышала в тишине каюты отзвуки его глуховатого голоса.

– Сильвия! Я не сумела ему помочь.

– Да, дорогая, я знаю, – ласково пробормотала сказала 422 и замолкла.

Так, в молчании, три корабля стремительно неслись к главной базе Центральных миров, размещавшейся на Регуле. Хельва нарушила тишину только для того, чтобы испросить разрешения на посадку и ответить на официальные соболезнования.

Три корабля одновременно опустились у края леса, где гигантские голубые деревья Регула несли стражу, оберегая сон тех, кто упокоился на маленьком кладбище базы. Весь личный состав выстроился безупречной колонной, образовав проход – от Хельвы до самой могилы. Почетный караул выступил вперед и медленным шагом вошел в рубку. Тело ее покойного возлюбленного бережно уложили на катафалк, покрыли темно-синим, усеянным звездами знаменем службы. Она следила, как оно медленно движется по живому проходу, как ряды смыкаются за катафалком.

Наконец, когда отзвучали скупые слова прощания и самолеты совершили над открытой могилой церемониальный круг, Хельва, собравшись с духом, нашла в себе силы сказать любимому последнее «прости».

Сначала тихо, едва слышно, потом все громче полились звуки старинной песни о вечере и вечном покое и наконец достигли такой пронзительной силы, что, казалось, весь бездонный черный космос отозвался эхом на гимн прощания, который пел корабль.

Глава 2

Корабль, который скорбел

Равнодушным, отсутствующим взглядом наблюдала Хельва, как расходится личный состав базы Регул. Похороны закончились. Больше никогда, поклялась она себе, обо мне не услышат как о Корабле, Который Поет. Эта часть души умерла вместе с Дженнаном.

Она продолжала следить за тем, что происходит вокруг, но откуда-то издалека, как будто ее это все не касалось вовсе: вот крохотные фигурки по одиночке и парами медленно потянулись к казармам. Другие деловито шагали кто куда, спеша вернуться к прерванным делам. Некоторые, проходя мимо нее, поднимали глаза, но их взгляды ее не волновали. Жизнь утратила всякий смысл, ей хотелось одного – остаться здесь, рядом с кладбищем, где навеки упокоился ее напарник.

«Не может быть, чтобы все кончилось вот так, – думала она, чувствуя, как смертельная тоска пробивается сквозь сковавшее сердце оцепенение. – Я этого не вынесу. Как жить дальше?»

– Икс-Эйч-восемь-три-четыре, Теода с Медеи просит разрешения подняться на борт, – раздался голос у подножия лифтовой шахты.

– Разрешаю, – машинально ответила Хельва.

Она так глубоко погрузилась в пучину горя, что к тому времени, когда из лифта появилась стройная фигура женщины, уже успела забыть, что сама разрешила ей войти. Женщина подошла к центральному пилону, в котором была заключена оболочка Хельвы. В руке она держала кассету с полетным заданием.

– Ну что ж, вставляй кассету, раз пришла, – сухо сказала Хельва, увидев, что женщина неуверенно переминается на месте.

– Куда? Я не состою на постоянной службе. На пленке объясняется маршрут полета, но...

– В северо-западном квадранте главной панели ты увидишь синюю прорезь. Вставь в нее кассету, так чтобы стрелка смотрела в сторону центральной красной кнопки. Нажми на синюю клавишу с надписью «пуск», а если сама не ознакомлена с текстом и имеешь необходимый допуск, нажми еще одну клавишу, желтую, с надписью «аудио». И не стой, садись, пожалуйста.

Без малейших эмоций, лишь мимолетно подумав о том, что следовало бы подбодрить Теоду, оказав ей хоть какое-то подобие любезного приема, Хельва наблюдала, как женщина неумело возится с кассетой. Наконец та робко присела на краешек пилотского кресла. Зазвучала запись.

– Икс-Эйч-восемь-три-четыре, вам вместе с психотерапевтом Теодой с Медеи предписывается проследовать к планете в системе Лира-два, Аннигон-четыре, и сделать все возможное для содействия программе реабилитации населения Ван Гога, которое уцелело после космической эпидемии. Срочно! Срочно! Срочно!

Хельва остановила пленку и вызвала Ценком:

– Следует ли понимать, что психотерапевт Теода – мой новый напарник?

– Нет, восемь-три-четыре. Теода не состоит у нас на службе. Замена временно откладывается. Срочно, повторяю, срочно отправляйся к Аннигону.

– Прошу разрешить немедленный взлет.

Хельва автоматически выполнила все до мелочей знакомые процедуры, сопутствующие взлету, и только потом спохватилась: что же она делает?! Ей была ненавистна сама мысль об отлете с Регула. Но приказ получен. В ушах ее еще звучал настойчивый призыв: «Срочно!»

– Все прилегающие территории свободны для взлета. Старт дан. И еще... Икс-Эйч-восемь-три-четыре...

– Слушаю?

– Удачи.

– Принято, – ответила Хельва, игнорируя дружеский, совсем неофициальный тон прощания.

Она быстро объяснила Теода, как пристегнуться к пилотскому креслу. Проследила за тем, как тонкие пальцы женщины нервно возятся с пряжками. Наконец, убедившись, что во время ускорения Теода будет в целости и сохранности, Хельва рванулась ввысь, но еще долго, до тех пор пока позволяло острое зрение, взгляд ее камер был прикован к удаляющемуся кладбищу базы.

Теперь Хельве было безразлично, с какой скоростью лететь, и скоро она поймала себя на том, что непроизвольно увеличивает ускорение, повинаясь безотчетному желанию поскорее закончить полет и вернуться на Регул – к Дженнану. Взяв себя в руки, она убавила скорость, сверяясь с жизненными показателями Теоды.

– Мы вышли на маршевый режим, – сообщила она женщине, – можно покинуть кресло. Теода расстегнула ремни и неуверенно поднялась.

– Меня так срочно вызвали, – сказала она, оглядывая свою мятую, несвежую форму, – к тому же я в пути уже целые сутки.

– Каюты расположены позади центрального пилона.

У Хельвы сжалось сердце: она только сейчас поняла, что Теода поселится там, где так недавно жил Дженнан. Не удержавшись, она заглянула в его каюту. Кто-то вынес все личные вещи ее бывшего напарника. Не осталось ни единой мелочи, которая напоминала бы о нем, об их мимолетном счастье. С новой силой на нее нахлынуло одиночество. Как они могли? Когда успели? До чего же это несправедливо. А теперь еще придется терпеть присутствие этой суетливой женщины.

Тем временем Теода вошла в каюту, бросила вещевой мешок на койку и направилась в ванную. Хельва деликатно отключила камеру. Она попробовала убедить себя, что там Дженнан, что это он по-домашнему плещется под душем... Но нет, у новой пассажирки совсем другие повадки.

«Не то, все не то!» – в тоске вскричала Хельва.

Вновь погружившись в пучину скорби, она лишь через некоторое время осознала, что на корабле стоит полная тишина. Заглянув в каюту, она увидела, что Теода, вытянувшись на спине, забылась глубоким, тяжелым сном вконец измотанного человека. Теперь, во сне, женщина выглядела старше, чем Хельве показалось сначала. И еще, Хельва запоздало поняла: то, что она приняла за суетливость и неумелость, на самом деле было смертельной усталостью. Лицо Теоды изрезали глубокие морщины – следы страданий и переутомления, закрытые глаза обведены темными кругами. Уголки рта опущены – видно, женщине довелось немало пережить. Вот длинные пальцы с закругленными кончиками чуть дрогнули, откликаясь на тревожное сновидение, и Хельва заметила, какие они сильные и чуткие. А на ладонях разглядела странные отметины, следы физической работы, совершенно необъяснимые в век, когда весь ручной труд, как правило, ограничивался нажатием кнопок.

«Дженнан тоже любил работать руками», – выплыло из памяти непрощенное сравнение, и ею снова завладела скорбь.

– Как долго я спала? – прервал воспоминания Хельвы женский голос, и Теода, пошатываясь со сна, вошла в рубку. – И сколько нам еще осталось лететь?

– Ты проспала восемнадцать часов. Судя по маршрутной карте, мы выйдем на орбиту Аннигона через сорок девять часов галактического времени.

– А кухня здесь есть?

– Первая дверь направо.

– Тебе ничего не нужно? – спросила Теода, направляясь на камбуз.

– Все мои потребности удовлетворены на ближайшую сотню лет, – холодно ответила Хельва.

И когда эти слова уже прозвучали, с отчаянием осознала, что ее самую насущную потребность не сможет утолить никто на свете.

– Извини, я так мало знаю о вас, кораблях, – смутилась Теода. – Меня с вами никогда раньше не отправляли, – и она робко улыбнулась.

– Так ты родом с Медеи? – Хельва заставила себя проявить хотя бы подобие любезности. Профессионалы нередко интересуются происхождением своих коллег.

– Да, с Медеи, – ответила Теода.

И сразу же начала без особой надобности перебирать банки с консервами, со стуком ставя их на стол. Такая реакция позволяла сделать вывод о некоем внутреннем разладе или тяжелых воспоминаниях, но Хельва не могла припомнить ничего особенного, связанного с Медеей, поэтому оставалось предположить, что все дело в каких-то личных переживаниях.

– Я, конечно, и раньше видела корабли твоего типа. У нас, жителей Медеи, есть свои причины относиться к вам с благодарностью, но сама я ни разу не была у вас на борту, – сбивчиво говорила Теода.

Взгляд ее беспокойно блуждал по коробкам и банкам, заполнявшим шкафы камбуза, она суетливо переставляла их, изучая содержимое полок.

– Тебе нравится твоя работа? Она должна приносить огромное удовлетворение.

Эти вполне невинные слова, как раскаленные угли, упали на незажившую рану Хельвы. Она поспешно заговорила, стараясь не дать собеседнице повода выдать очередную, столь же болезненную любезность.

– Я служу не так давно. Тебе как врачу должно быть известно о нашем происхождении.

– Ну да, разумеется. Врожденное уродство. – Теода смутилась, как будто затронула какую-то неприличную тему. – И все-таки, по-моему, это ужасно. Ведь у тебя не было никакого выбора, – гневно выпалила она.

Внезапно Хельва ощутила огромное превосходство.

– На начальном этапе, пожалуй, не было. Но теперь мне было бы очень трудно отказаться от стремительных бросков через космос и удовольствоваться ходьбой.

Услышав, как пренебрежительно Хельва произнесла последнее слово, женщина вспыхнула.

– Предоставлю это тому, кто станет моим «мускулом», – бросила Хельва и внутренне сжалась, снова вспомнив Дженнана.

– Я недавно слышала об одном из ваших кораблей – о том, который поет, – сказала Теода.

– Да, я тоже слышала, – уныло отозвалась Хельва. Неужели ей постоянно будут напоминать о ее утрате?!

– Сколько лет вы живете?

– Сколько захотим.

– То есть... Я хотела спросить, какой корабль самый старший?

– Один из двухсотых до сих пор состоит на службе.

– Значит, ты еще совсем молода – ведь ты из восьмисотых.

– Да.

– А вот я, – проговорила Теода, устремив отсутствующий взгляд на зажатую в руке пустую банку, – я уже совсем старуха, и мой конец близок.

В ее голосе не прозвучало ни сожаления, ни даже смирения.

Только сейчас до Хельвы дошло, что в этой душе тоже таится глубокая печаль, обреченно отсчитывающая дни и часы.

– Сколько осталось до выхода на орбиту?

– Сорок семь часов.

– Пора браться за дело, – Теода резко повернулась и отправилась в каюту, где, порывшись в мешке, достала видеокассету и проектор.

– В чем проблема? – вежливо поинтересовалась Хельва.

– На Ван Гог в созвездии Лиры-два нагрянула космическая эпидемия, и симптомы ее очень похожи на ту болезнь, которая поразила Медею сто двадцать пять лет назад, – пояснила Теода.

Внезапно Хельва поняла, где Теода могла видеть корабли миров. Она навела увеличение на лицо женщины и увидела сетку микроскопических морщин – свидетельство преклонного возраста. Сомнений нет: Теода жила на Медее, когда там разразилась космическая эпидемия. Хельва вспомнила, что мор обрушился на густонаселенные районы и за считанные дня свирепым ураганом пронесся по всей планете. Его натиск был так стремителен, а потери столь высоки, что часто медики, теряя силы, валялись рядом с теми, кого выхаживали. Но некоторым болезнь не тронула, а почему – никто не знал. Переносимые по воздуху споры – возбудители заболевания поражали не только людей, но и животных. И вдруг эпидемия отступила – так же внезапно, как появилась, словно почувствовав, что силы галактического содружества, грозящие укротить ее неистовство, уже на пути к планете. Всего за неделю Медея опустела. Немногие уцелевшие – и те, у кого хватило сил перенести изнурительную лихорадку, и те, кто по неизвестным причинам оказался к ней невосприимчив, – посвятили жизнь поискам источника беды или ее причины, лекарства или вакцины.

Проведя быстрый ассоциативный поиск в своей обширной памяти, Хельва выяснила, что было еще семь волн эпидемии, правда другого вида, но столь же неожиданных и необъяснимых, и некоторым планетам удалось оказать более успешное сопротивление, чем тогда, на Медее. А самая опустошительная из всех зарегистрированных обрушилась на планету Клематис и унесла девяносто три процента человеческих жизней еще до того, как подоспела помощь. После этого на Клематисе был установлен вечный карантин. «Все равно что запереть конюшню, даже не попытавшись отыскать пропавших лошадей», – подумала Хельва.

– Наверное, тогда, на Медее, ты получила большой опыт и теперь сможешь помочь пострадавшим на Ван Гоге?

– Затем меня туда и направили, – вздрогнув, выговорила Теода.

Она так поспешно схватилась за проектор, что Хельва поняла: дальнейшие расспросы сейчас неуместны. И еще она поняла, что, несмотря на долгую жизнь за плечами, Теода все еще болезненно откликается на некоторые словесные ассоциации. Она и сама не могла представить, что когда-нибудь, через века, перестанет испытывать боль при упоминании имени Дженнана.

Аннигон показался на экранах, когда бортовой хронометр отмерил ровно шестьдесят семь часов полета, и сразу же Хельве пришлось отвечать на карантинное предупреждение орбитальной станции.

– У тебя на борту присутствует психотерапевт Теода? – последовал вопрос, едва Хельва успела назваться.

– Да.

– Садись как можно ближе к больничному городку Эрфар. Там нет своей посадочной площадки, поэтому для тебя подготовили ближайшее поле. Ты сможешь свести до минимума выделение вредных выбросов?

Хельва сухо заверила, что сумеет совершить посадку, соблюдая все необходимые меры предосторожности. Получив координаты, она без особого труда опустилась на указанный ей клочок земли. Пыльная белая дорога вела к вытянутому скоплению белых зданий, прорезанных длинными рядами окон. Оно находилось на расстоянии в полкилометра. Вскоре оттуда выехал наземный транспорт.

– Теода, – обратилась к женщине Хельва, пока они ожидали машину, – в ящике под панелью управления ты найдешь маленькую серую клипсу. Прикрепи ее к своей одежде – и ты

сможешь поддерживать со мной постоянную связь. А если повернешь верхнюю часть клипсы по часовой стрелке, связь будет двусторонней. Мне хотелось бы помочь тебе, если возникнут какие-нибудь затруднения.

– Да, конечно, благодарю.

– Если повернуть нижнюю половинку, я смогу увидеть, что происходит вокруг, правда в небольшом радиусе.

– Отлично придумано, – рассеянно пробормотала Теода и, повертев клипсу в руках, закрепила ее на куртке.

Машина подъехала и остановилась. Теода помахала сверху ее пассажирам и вошла в лифт.

– Хельва, большое тебе спасибо за путешествие. Прошу меня извинить – я неважный компаньон.

– Я тоже. Желаю удачи.

Лифт пошел вниз, и Хельва подумала, что они обе сказали неправду. Они составили отличную компанию, каждая была замкнута в скорлупу собственного горя. Раньше ей как-то не приходило в голову, что страдание – нередкий гость во вселенной и что едва ли она одна пережила трагедию, не сумев спасти любимого человека. Все другие корабли, ее собратья, имели такой же печальный опыт, однако продолжали нести службу.

– Прошу разрешения подняться на борт, – раздался чей-то хриплый голос у подножия лифта.

– Прошу назваться.

– Онро, майор медицинской службы, откомандирован базой Регула. Мне необходимо воспользоваться экстренной связью.

– Разрешаю, – ответила Хельва, быстро отыскав его имя в списке личного состава медицинской службы.

Офицер Онро ввалился в шлюз, кратко отсалютовал в направлении центрального пилона, плюхнулся в пилотское кресло и хлопнул по кнопке вызова.

– Не найдется ли у тебя мало-мальски приличного кофе? – просипел он и, стремительно крутанувшись в кресле, устремился на камбуз.

– Будьте как дома, – пробормотала Хельва, не готовая к такому бурному проявлению энергии после нескольких дней, проведенных в обществе Теоды.

Едва не свернув плечом дверной косяк, Онро ворвался на камбуз и принялся рыться в шкафах.

– Кофе, скорее всего, находится на своем обычном месте – на третьей полке шкафа, который стоит по правую руку от вас, – сухо заметила Хельва. – О, прошу прощения, контейнер свалился на пол.

Онро поднял емкость с кофе, умудрившись весьма ощутимо стукнуться головой о дверцу шкафа, которую он оставил открытой. Но потока брани, который Хельва ожидала услышать, не последовало. Посетитель осторожно, с терпением, свидетельствующим о редкой выдержке, притворил дверцу, вскрыл герметичную оболочку, проследовал обратно в рубку, где, усевшись в кресло и, глотая разогревшийся дымящийся кофе, стал наблюдать, как активируется шкала экстренной связи. Понемногу напряжение стало отпускать его.

– Все мы жертвы собственных привычек, правда, Икс-Эйч-восемь-три-четыре? Я мечтал о чашке кофе восемнадцать дней и ночей напролет. От пойла, которое здесь, на этом богом забытом шарике, используют взамен, меня только ко сну клонит. Правда, кофе действует не так сильно, как бензедрин, но зато менее вреден для организма. А вот и они. Могу поклясться, что с каждым разом эту чертову связь приходится ждать все дольше.

– Говорит Регул, Центральная база.

– Докладывает Икс-Эйч-восемь-три-четыре, – провозгласил Онро.

– Кто? – от удивления голос утратил всю свою официальность.

– Онро на связи.

– Ясно, сэр, не сразу узнал ваш голос.

– А ты что думал, это Хельва простудилась?

– Нет, сэр, я так не подумал.

– Ладно, поболтали, и будет. Теперь введи данные в компьютер, и пусть он как следует пошевелит мозгами. А то я слишком устал. И сам проверь, что там навводили. В последнее время мне приходилось слишком мало спать.

Он повернулся к Хельве.

– Как тебе это понравится – впервые за три галактических года попасть домой и угодить в самый разгар эпидемии! Надеюсь, мне хотя бы продлят отпуск.

Онро снова повернулся к рации.

– Вот, мусор для машины, – он отправил данные. – А теперь словесное резюме. «Заболевание не удалось идентифицировать по шкале Орсона ни как известный вирус, ни как его видоизменение. У всесторонне проверенных пациентов, признанных абсолютно здоровыми, клинические симптомы могут развиваться за десять часов: полное исчезновение мышечного контроля, сильный жар, острые боли в спине через три дня. Смерть наступает от: во-первых, кровоизлияния в мозг, во-вторых, остановки сердца, в-третьих, легочного коллапса, в-четвертых, удушья или, в случае запоздалого оказания медицинской помощи, в-пятых, истощения. Все выжившие страдают полным отсутствием мышечной координации. Показатель повреждения мозга отрицательный. Но они ничем не лучше трупов».

– Интеллект страдает? – спросил Ценком.

– Невозможно сказать ничего определенного, остается только надеяться, что, как и в большинстве подобных случаев, изменения в мозгу не затрагивают интеллект.

– Ведь знатная леди и Джуди О’Греди во всем остальном равны, – пробормотала Хельва.

Из сказанного медиком она сделала вывод, что телам, перенесшим эпидемию, повезло все же больше, чем ее собственному, наделенному врожденными увечьями.

– Наша бронированная подружка ближе к истине, чем она сама подозревает, – хохотнул Онро. – Если не считать младенцев, нет ни единого человека, которому не было бы лучше прямо сейчас попасть в капсулу. Все равно в том состоянии, в котором бедняги находятся, они ни на что не годятся.

– Будете дожидаться ответа? – осведомился Ценком.

– Смотря сколько времени.

– Вполне успеете вздремнуть, – предупредительно заметила Хельва. – Пока они разберутся с вашим рапортом, – добавила она, одновременно направляя Ценкому личный сигнал тревоги.

– Только недолго, майор Онро, – вставил Ценком.

– Онро, вы так свернете себе шею, – заметила Хельва, увидев, что он вытянул длинные ноги и, поерзав в пилотском кресле, собрался задремать. – Можете воспользоваться койкой пилота. Я разбужу вас, как только придет ответ.

– Да уж, милочка, не забудь, а то отвинчу твою смотровую панель, – пригрозил Онро и, пошатываясь, как пьяный, побрел в каюту.

– Постараюсь.

Хельва проследила, как он два раза глубоко вздохнул и провалился в сон.

И сразу же включилась связь с Теодой – слуховая и зрительная. Вот Теода стоит, склонившись над постелью. Ее сильные пальцы ласково поглаживают неподвижное тело лежащей женщины. Расслабленные мышцы, полное отсутствие рефлексов, одутловатое лицо, невидящие глаза, отвисшая челюсть; на какое-то мгновение шейные мышцы напряглись, и из горла больной вырвался невнятный стон.

– Мы не можем обнаружить реакции даже на самые сильные раздражители, – произнес голос, обладателя которого Хельва не могла видеть. – Возможно, пациентка как-то реагирует на боль, но полной уверенности у нас нет. Даже если она нас понимает, то не может подать знак.

Хельва заметила, что полузакрытые веки женщины еле заметно дрогнули вниз, потом вверх. Не укрылся от нее и легчайший трепет ноздрей. Она надеялась, что Теода тоже это отметила, но решила проверить.

– Теода, – сказала она тихо, стараясь не испугать женщину.

И все же та вздрогнула от неожиданности.

– Это ты, Хельва?

– Насколько мне позволяет мое ограниченное зрение, я сумела разглядеть дрожание век и трепет ноздрей. Если паралич протекает в такой острой форме, как мне стало известно из донесения майора Онро, эти чуть заметные подергивания, возможно, являются единственными мышечными сокращениями, сохранившимися у пациентки. Попроси, пожалуйста, одного из твоих спутников понаблюдать за правым глазом, второго за левым, а ты сама сосредоточь внимание на ноздрах. Объясните больной, какие знаки ей следует подавать, и посмотрите, поймет ли она вас.

– Это что – корабль? – недовольно осведомился невидимый спутник Теоды.

– Да, Икс-Эйч-восемь-три-четыре, это она доставила меня сюда. Только Хельва не что, а кто.

– Вот как, – последовал пренебрежительный ответ. – Корабль, который поет? Только мне казалось, что его инициалы Джей-Эйч или Жи-Эйч.

– Давайте попробуем сделать то, что предлагает Хельва, – перебила его Теода. – Ее зрение гораздо острее нашего, а способность сосредотачиваться неизмеримо выше.

Обращаясь к пациентке, она тихо и отчетливо произнесла:

– Если вы меня слышите, постарайтесь, пожалуйста, опустить правое веко.

На протяжении секунды, показавшейся всем столетием, никакого движения не последовало. Потом медленно-медленно, словно преодолевая чудовищное сопротивление, правое веко опустилось на долю миллиметра.

– Чтобы мы могли быть уверены, что это движение – сознательное, я прошу вас постараться дважды расширить ноздри.

Снова прошло время, и вот Хельва уловила слабое движение ноздрей. Она заметила еще кое-что, куда более важное, – бисеринки пота, выступившие на лбу и верхней губе больной, и сразу же привлекала к ним остальных.

– Каких колоссальных усилий это, видимо, стоило несчастному, попавшему в заточение разуму, – с бесконечным состраданием проговорила Теода. Ее рука с закругленными пальцами мягко легла на влажный лоб женщины. – А теперь отдыхайте, милая. Мы больше не будем вас мучить, но знайте: у нас появилась надежда.

Только Хельва заметила, как бессильно поникли и почти сразу же распрямились плечи Теоды, когда она направилась к соседней койке.

Хельва сопровождала Теоду на всем протяжении обхода – из женского отделения в мужское, а оттуда в детское и даже в бокс для младенцев. Эпидемия не пощадила ни старых, ни малых – даже малыши, которым было несколько недель от роду, стали ее жертвами.

– Можно лишь надеяться, что чем моложе больной и чем более упруги его ткани, тем выше шанс, что функции восстановятся, – заметил один из провожатых Теоды.

Хельва уловила часть его жеста – он обвел рукой отделение, в котором стояло пятьдесят кроваток с неподвижно застывшими в них младенцами.

Теода нагнулась и взяла на руки крошечного трехмесячного малыша, розового и белокурого. Тельце у него было упитанное, цвет кожи свежий. Ловким движением женщина оттянула

грудную складку и сильно ущипнула. Глаза младенца расширились, ротик приоткрылся, издав слабый писк.

Теода быстро прижала малыша к груди и стала покачивать, как бы извиняясь за то, что сделала ему больно. И хотя одеяло приглушало звук и ограничивало видимость, Хельва успела увидеть и понять то же, что и Теода.

Пока Теода укачивала младенца, до Хельвы долетали только обрывки разгоревшегося спора. Но вот прежний уровень видимости и слышимости вернулся к ней. Теода положила ребенка на живот и стала осторожно сгибать и разгибать его ручки и ножки, подражая тем беспорядочным подергиваниям, которые предвещают начало первых самостоятельных движений.

– И так мы будем работать с каждым ребенком, с каждым больным – по часу утром и вечером. Если возникнет потребность, мы мобилизуем всех взрослых и всех сознательных подростков на Аннигоне, и они станут нашими помощниками. Если мы хотим достучаться до мозга, восстановить связь между разумом и нервной системой, нам придется восстанавливать функцию мозговых центров с самого начала деятельности мозга. Нужно спешить. Эти несчастные и так слишком долго ждут, чтобы их освободили из кошмарного заключения.

– Но... но как, доктор Теода, вы можете обосновать свои выводы? Вы же сами согласились, что данный случай имеет меньше сходства с эпидемией на Медее, чем считалось первоначально.

– Пока я не могу дать вам никаких обоснований. Да и к чему это? Весь мой опыт подсказывает, что я права.

– Опыт? Вы, наверное, хотели сказать «интуиция»? – неодобрительно изрек чиновник. – Но не можем же мы, доверившись интуиции одной женщины, отвлекать занятых людей от их дел...

– Разве вы не видели испарины на лице той женщины? Не поняли, какого усилия ей стоило всего лишь опустить веко? – набросилась на него Теода. – Так неужели после этого какие-то усилия с нашей стороны могут показаться вам слишком большими?

– Зачем столько эмоций? – вспыхнул чиновник. – Разве Аннигон не приютил у себя переживших эпидемию, невзирая на опасность стать жертвой того же вируса?..

– Не надо, – решительно заявила Теода. – Прежде чем приблизиться к Ван Гогу, ваши корабли убедились, что эпидемия миновала. Но это к делу не относится. Я возвращаюсь на корабль и немедленно свяжусь с Ценкомом. И вы получите и обоснование, и подтверждение в аккуратнейшей компьютерной распечатке.

Она резко повернулась, и Хельва увидела почтительно застывших поодаль медсестер.

– Но прошу тех из вас, кто любит детей и доверяет женской интуиции: делайте то, что я вам показала, независимо от того, будет получено подтверждение или нет. Терять все равно нечего, а живых нужно спасать.

Теода стремительно покинула больницу, не обращая внимания на жалобы и отговорки чиновников. Она забралась в машину и велела возвращаться на корабль. Услышав ее звенящий от бессильной ярости голос, водитель счел за лучшее обойтись без разговоров. Хельва видела, как сильные пальцы женщины, ни на миг не останавливаясь, беспокойно шевелятся – то судорожно сжимаются, то беспомощно вытягиваются, то теребят застежку куртки. Словно почувствовав ее взгляд, Теода резко оборвала связь.

Нимало не смутившись, Хельва переключилась на наружные камеры, которые давали более широкий обзор, и поймала в фокус приближающуюся машину. Экипаж высадил пассажирку и уехал. Но Теода не спешила входить в лифт. Ограниченная неудобным углом зрения, Хельва могла только наблюдать, как женщина ходит взад-вперед.

Онро храпел в каюте, а Хельва терпеливо ждала.

– Прошу разрешения подняться на борт, – наконец тихо сказала Теода.

– Разрешаю.

Пошатываясь от усталости, вытянув руку вперед, будто нащупывая путь в темноте, Теода вышла из лифта. Бессильно упала в пилотское кресло и, облокотившись на пульт, уронила голову на руки.

– Ты видела, Хельва, – пробормотала женщина, – ты все видела. Эти несчастные пребывают в таком состоянии уже больше шести недель. И моргнуть глазом для них тяжелее, чем поднять тонну. Разве мыслимо – пережить такое и сохранить рассудок?

– У них всегда остается надежда. Не забывай, Теода: если есть уверенность, что разум не пострадал, без тела в конце концов можно и обойтись. И даже найти в этом кое-какие преимущества, – напомнила она.

Теода стремительно подняла голову и, повернувшись в кресле, ошеломленно уставилась на панель, за которой скрывалось заключенное в капсулу тело Хельвы.

– Ну да... И ты сама – отличный пример!

Потом сокрушенно помотала головой.

– Нет, Хельва. Одно дело – когда тебя с младенчества приучили к этой мысли, и совсем другое – когда ты вынуждена смириться с ней, как с единственным выходом.

– Молодые без особых потрясений привыкнут к жизни в капсуле. Повторяю, в ней есть свои преимущества и прямые выгоды. Вспомни, как я сопровождала тебя в твоей поездке в больницу.

– Но иметь возможность ходить, дотрагиваться руками, вдыхать запахи, смеяться и плакать...

– Плакать... – выдохнула Хельва, – облегчить душу слезами. Да, ты права.

Ее сердце стиснула невыносимая тоска, и ненадолго отступившая горечь утраты вернулась с новой силой.

– Хельва... Там, в больнице... Я хочу сказать, я слышала, что ты... Прости, но я так ушла в свои мысли. Я тогда не поняла, что это ты – Корабль, Который Пел, и что ты... – голос ее сорвался.

– И я тоже забыла, что у вас на Медее вирус не только отгородил разум от тела, но и уничтожил мозг, оставив лишь неодушевленную плоть.

Теода отвела взгляд.

– Не могу забыть того несчастного малыша...

– Ценком вызывает Икс-Эйч-восемь-три-четыре. Ты на связи?

Испуганная голосом, который неожиданно загремел у ее локтя, Теода отпрянула от загоровшейся шкалы экстренной связи.

– Икс-Эйч-восемь-три-четыре слушает.

– Приготовься отпечатать компьютерное заключение в ответ на запрос майора Онро.

Хельва включила принтер и доложила о готовности.

– В словесной форме? – громким шепотом спросила Теода.

– Он просил в словесной, – ответила Хельва.

– Не выявлено никакой зависимости от возраста, физического развития, состояния здоровья, этнической принадлежности, группы крови, структуры тканей, режима питания, места жительства и перенесенных ранее заболеваний. Болезнь поражает без разбора и распространяется со скоростью эпидемии. При вскрытии никаких изменений в мышцах, костных тканях, крови, мокроте, моче, спинном мозге не обнаружено. Медикаментозное лечение – бесполезно. Хирургическое – бесполезно. Терапия – возможна.

– Вот оно! – вскочив на ноги, торжествуя воскликнула Теода. – Терапия – единственный выход.

– Но только возможный.

– И тем не менее это единственная возможность. Я уверена: спасение кроется в методе обратной связи.

– Обратной связи?

– Да. Это странный метод, и он не всегда приносит успех. Но возможно, неудачи бывают в тех случаях, когда разум, отчаявшись, прекращает борьбу, – горячо, словно стараясь убедить в первую очередь себя, проговорила Теода. – Ты только вообрази: оказаться в западне, не иметь возможности установить даже самый простой контакт – это же ни с чем не сравнимый ужас! Боже, что я говорю!.. – виновато воскликнула она, повернувшись к пилону, за которым находилась Хельва.

– Ты абсолютно права, – невозмутимо заверила ее Хельва, но про себя усмехнулась. – Было бы действительно невыносимо, если бы я вдруг потеряла способность управлять своими синапсами так, как делаю это сейчас с помощью электронных устройств. Думаю, что я просто спятила бы, враз лишившись всего, что было мне подвластно. Мчаться от звезды к звезде, общаться через несколько световых лет, подслушивать и подглядывать, при этом никак не обнаруживая себя.

Теода снова принялась беспокойно расхаживать взад-вперед.

– Неужели ты надеешься убедить этих скептиков, – спросила Хельва, – заставить их мобилизовать людей, основываясь лишь на компьютерном заключении?

– Но в нем же ясно сказано: терапия может дать положительные результаты, – решительно заявила Теода, и лицо ее приняло упрямое выражение.

– В нем сказано «возможно». Я вовсе не оспариваю твои убеждения, просто предупреждаю, какой, скорее всего, будет их реакция, – добавила она, заметив, что Теода набрала побольше воздуха, собираясь дать отпор. – Я-то как раз совершенно уверена, что ты права. Но они – совсем другое дело. История знает немало случаев, когда добрые самаритяне с чистой совестью предпочтут почивать на лаврах, в полной уверенности, что сделали все от них зависящее.

Теода непримиримо сжала губы.

– Я уверена, что этих людей можно спасти... во всяком случае, некоторых. Разве ради этого не стоит сделать все возможное?

– Но почему? Я имею в виду, почему ты думаешь, что метод обратной связи сработает?

– Это метод, разработанный еще в двадцатом веке, раньше его использовали для коррекции многих врожденных нарушений и некоторых серьезных поражений мозга и нервной системы. Я получила научную степень по истории психотерапии. Многие из ранее существовавших в этой области проблем теперь не актуальны, но иногда бывают случаи, когда болезни, которые считались давно побежденными, возвращаются вновь. Как эпидемия полиомиелита на Эварте-два. Вот тогда и вспоминают о старых методах. Например, возбудитель этой болезни напоминает вирус Ратдже, с той разницей, что исходный штамм вызывал спорадические приступы и выздоровление наступало хоть и медленно, но неизбежно. Может быть, потому, что терапию начинали сразу же, как только заканчивался острый период. Да и паралич, насколько мне известно, не был таким тяжелым. Но возможно, на протяжении веков штамм видоизменился и стал еще более опасным. И все же нельзя отрицать, что сходство существует. Вот, посмотри, Хельва, я захватила с собой пленки, – с жаром сказала Теода, от волнения ее лицо казалось странно помолодевшим. – Тогда при лечении жертв вируса Ратдже широко применяли метод обратной связи Домана-Делакато, и он давал отличные результаты. А вдруг, – Теода остановилась как вкопанная, – нам удастся доказать, что в те времена споры космической эпидемии занесло на старушку Землю? У тебя есть данные по развитию галактических спиралей?

– Давай пока ограничимся проблемами из области медицины и физиологии, – усмехнулась Хельва.

Теода потерла лицо руками, будто пытаясь смыть усталость и заставить утомленный мозг сделать невозможное.

– Всего один ребенок, одно доказательство – вот все, что мне нужно.

– А сколько времени это займет? И какого возраста должен быть ребенок? Кстати, почему именно ребенок? Почему не та несчастная женщина, с таким трудом опустившая веко?

– Продолговатый мозг начинает управлять рефлекторными движениями с самого рождения. Мостовой участок, который полностью развивается к двадцати неделям, руководит ползанием на животе. К пятнадцати неделям начинает функционировать средний мозг, и ребенок овладевает навыками передвижения на четвереньках, и, наконец, к шестидесяти неделям заканчивается формирование коры, которая ведает ходьбой, речью, зрением, осязанием и координацией движений.

– Год – это, пожалуй, слишком рано... Внятная речь еще отсутствует, – вслух подумала Хельва, без труда припоминая свой первый день рождения. Правда, она в этом возрасте уже «ходила» и «говорила».

– Самый лучший возраст – пять лет, – вклинился вдруг чей-то голос.

Теода вздрогнула и только сейчас заметила Онро – он стоял на пороге камбуза, держа в руке самосогревающийся стакан с кофе.

– Потому что моему сыну как раз пять. Я Онро, майор медицинской службы. Это я вас вызвал, доктор Теода, потому что слышал: вы никогда не сдаетесь.

Его помятое со сна лицо обрело жесткое, упрямое выражение.

– И я тоже не сдамся, пока мой сын снова не станет ходить, говорить и смеяться. Он – все, что у меня осталось. Неплохой отпуск у меня получился, – он горько усмехнулся и глотнул дымящийся кофе.

– Так вы с Ван Гога? – спросила Теода.

– Да, один из немногих уцелевших.

– Вы слышали, о чем я говорила? Вы согласны?

– Слышал. В моем случае не может быть и речи о согласии или несогласии. Я готов на все, что выглядит хотя бы отдаленно правдоподобным. Ваша идея разумна, к тому же компьютер дал единственную положительную рекомендацию – это терапия. Я иду за сыном.

Дойдя до шлюза, он повернулся и погрозил Хельве кулаком.

– А ведь ты опоила меня, фея серебряного замка!

– Формулировка неточна, но обвинение принято к сведению, – сказала Хельва ему вслед, когда он, хмурясь, шагнул в кабину лифта.

Теода, охваченная радостным волнением, схватила свой проектор и стала пересматривать пленки, где был представлен метод, который она собиралась испытать.

– Они вводили стероиды и еще кое-какие препараты, – бормотала она. – У тебя что-нибудь найдется?

– В заключении ничего не говорилось о медикаментах, – напомнила Хельва, – но всегда можно попросить Онро, чтобы он стащил, что надо, из больничного синтезатора. Ведь он, в конце концов, майор медслужбы.

– Да, это очень кстати, – согласилась Теода и снова с головой ушла в свои пленки. – А зачем им понадобилось... ах да, все ясно! Ведь у них не было готовых соединений.

Хельва завороченно следила, как Теода смотрит фильм, то возвращаясь назад, то прокручивая пленку вперед, многократно перепроверяет, делая пометки, что-то бормочет про себя и время от времени застывает в раздумье, уставившись в пространство невидящими глазами.

Теода вернулась к началу в четвертый раз, и Хельва категорически потребовала, чтобы она что-нибудь съела. Женщина рассеянно доедала жаркое, когда вернулся Онро. Он нес обмякшее тельце рыжеволосого мальчугана. На грубоватом лице медика застыло отсутствующее, почти оцепенелое выражение. Он бесстрастно следил, как его сынишку бережно укладывают на койку. Хельва заметила у мальчика одну особенность, которая роднила его со всеми жертвами страшного вируса: глаза были полужакрыты, как будто веки до того отяжелели, что он не мог их поднять.

Опустившись рядом с койкой на колени, Теода повернула голову ребенка так, чтобы его глаза находились вровень с ее лицом.

– Малыш, я знаю, ты меня слышишь. Мы будем работать с твоим телом, чтобы помочь тебе вспомнить, что оно умело делать. Скоро ты у нас опять будешь бегать и радоваться солнышку.

Потом без лишних слов, не обращая внимания на невнятные возражения отца, она положила мальчика прямо на пол, на живот, взяла его за руку и за ногу и знаком велела Онро последовать ее примеру.

– Мы переносимся в то время, когда ты был совсем маленький и впервые пытался ползть. Мы помогаем твоему телу ползти на животе, будто ты змея.

Терпеливо, монотонным голосом, она повторяла слова внушения. Хельва отметила, что сеанс продлился пятнадцать минут. Они выждали час и повторили все сначала. Прошел еще час, и Теода так же терпеливо проговорила слова, которые должны были восстановить у ребенка навыки движения: сначала вперед двигаются левая рука и правая нога, потом правая рука и левая нога. Еще час – и она повторила наставления. И снова они вернулись к ползанию, и снова повторили дважды. В промежутках оба врача пытались вздремнуть. Хельва незаметно закрыла шлюз, переключила связь с центральной рубки на себя и оставалась глуха к настойчивым требованиям из больницы пригласить к микрофону Теоду или Онро. Через двадцать четыре часа Теода слегка изменила схему внушения, добавила массаж и лечебную гимнастику, терпеливо придавая телу разные положения, работая над каждой мышцей – от пальцев рук до пальцев ног.

На исходе двадцать седьмого часа Онро, чьи силы были подорваны накопившейся усталостью, отчаянием и нарастающей безнадежностью, забылся тяжелым сном, так что растолкать его больше не удалось. Теода, слабея на глазах, продолжала сражаться в одиночку, повторяя каждое движение не менее точно и старательно, чем в самом начале курса интенсивной терапии.

Хельва намеренно игнорировала собравшуюся внизу толпу, не обращая внимания на приглушенные требования, угрозы и уговоры.

– Теода, – тихо проговорила Хельва, когда к концу подходил тридцатый час, – ты заметила то, что заметила я? Шейные мышцы проявляют тенденцию к сокращению.

– Да. А ведь этот ребенок был так плох, что ему пришлось делать трахеотомию. Видишь шрам? – Теода показала на тонкий шов. – И еще я вижу: когда мы начинаем сеанс, веки поднимаются чуть выше. Мальчик понимает, что мы хотим ему помочь. Смотри, глаза приоткрываются... чуть-чуть, но и этого достаточно. Я была права! Я знала, что не ошибаюсь!

– У тебя мало времени, – предупредила Хельва. – Здешние власти вызвали патрульный корабль, через полчаса он сядет рядом со мной. Мне придется открыть люк под угрозой повреждения меня, так уж я запрограммирована.

Теода испуганно подняла глаза.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Взгляни на экран.

Хельва настроила изображение так, чтобы Теода могла увидеть толпу людей и скопление машин у подножия корабля.

– Они становятся чересчур настойчивы.

– Но я ничего не знала.

– Тебе был нужен покой. И я сумела его обеспечить, – ответила Хельва. – Но если взглянуть на все со стороны, можно предположить, что майор медицинской службы, его сын и приглашенный медицинский консультант содержатся в заключении у меня на борту. К тому же они подозревают, что мои недавние... словом, что я собираюсь удариться в бег.

– Разве ты им не сказала, что мы проводим сеансы терапии?

- Конечно нет.
- Но почему...
- Пора начинать очередной сеанс. Сейчас дорога каждая минута.
- Сначала нужно покормить малыша.

Теода осторожно ввела концентрированный раствор в тонюсенькую вену и стала массировать бугорок, оставшийся на месте инъекции.

- Какой сладкий мальчик, правда, Хельва? – сказала она. – Даже по лицу видно.
- Наверняка жуткий озорник! С такими-то веснушками, – фыркнула Хельва.
- Сердцем они как раз и есть сладкие, – твердо возразила Теода.

Хельва заметила, как ресницы мальчугана упали на щеку, потом снова приподнялись. И решила, что права она, а не Теода. Это надо же придумать: рыжий, весь в веснушках – и сладкий!

Снова началось терпеливое, монотонное восстановление нарушенных связей. Внезапно Теода вздрогнула, услышав громкий стук. Он разбудил и медика, который спал прямо на полу. Хельва, поглядывая на экран, ожидала удара. Онро поднялся и заговорил, еще не соображая, где находится.

- Что происходит?

Ответом ему последовал второй глухой удар.

- Да что там, черт возьми, стряслось? Кто это колотится, как полоумный?

- Половина планеты, – едко ответила Хельва, включая внешние камеры.

Ей сразу пришлось убавить звук: в рубку ворвался оглушительный гвалт.

- Ну ладно, уgomонитесь, – сказала она толпе, без усилия заглушая недовольный ропот.

- Икс-Эйч-восемь-три-четыре, требую разрешения войти! – выкрикнул кто-то у входа.

Она с готовностью включила лифт и открыла люк. Онро протопал к отверстию и, нагнувшись над ним, заорал:

– Какого черта вы тут беснуетесь? Убирайтесь все немедленно! Вы что, совсем забыли о приличиях? Что за тарарам? Имеет человек право хоть немного отоспаться? Единственное тихое место на всей вашей паршивой планете!

В это время с ним поравнялась платформа лифта, доставив пилота патрульного корабля и нудного чиновника, сопровождавшего Теоду во время посещения больницы.

– Майор Онро, мы беспокоились за вас, особенно после того, как ваш сын исчез из своей постели.

– Послушайте, инспектор Кариф, вы никак решили, что госпожа Теода похитила меня вместе с сыном и держит в качестве заложников на борту спятившего корабля? Экий вы, однако, фантазер! Эй, что это ты задумал... ты, ты, парень, – крикнул он, заметив, что пилот потянулся к панели центрального пилона, за которой находилась оболочка Хельвы.

- Я выполняю приказ Ценкома.

– Включи-ка лучше экстренную связь и скажи своему Ценкому, чтобы он не совал свой длинный нос в чужие дела. Если бы не Хельва, не тишина и покой, которые она для нас создала и поддерживала, не знаю, что бы с нами стало.

Он тихонько вошел в каюту, где, распростертый на полу, лежал его сын. Над ним сосредоточенно колдовала Теода, проводя очередной – который уже по счету! – сеанс терапии Домана-Делакато.

– Не знаю, сколько несчастных нам удастся спасти таким способом, только я вижу: он помогает. И ты, парень, скажешь своему Ценкому – после того, как передашь ему от меня пожелание катиться к чертовой бабушке, – чтобы они дали Теоде полномочия мобилизовать всех до последнего человека на этой планете... если возникнет такая необходимость... чтобы привлечь их к программе реабилитации.

Он опустился на колени рядом с сыном.

– Ползи, малыш, ползи.

– Но ребенок может простудиться на холодном полу, – взвизгнул чиновник.

Какая-то женщина внизу упрашивала Хельву спустить лифт, но та не обращала внимания: она наблюдала. Лицо ребенка покрылось капельками пота. Но никаких движений не последовало... ни малейшего содрогания.

– Ну постарайся, сынок, – молил Онро.

– Твой разум помнит, что твое тело умело делать раньше. Правую руку вперед, левое колено вверх, – произнесла Теода с невероятным самообладанием.

В ее спокойном, ласковом голосе не отразилось даже намек на то напряжение, которое она должна была испытывать.

Хельва увидела, как мышцы на шее мальчика стали судорожно подергиваться, но она знала, что наблюдатели ожидают гораздо более убедительного результата.

– Иди скорей ко мне, золотое мамино солнышко, – протянула она нежно и призывно.

Не успели пораженные наблюдатели испепелить ее укоризненными взглядами, как локоть мальчика скользнул на дюйм вперед, а левое колено, которое Теода сжимала пальцами, дернулось назад; горло его напряглось, и с губ сорвался тоненький всхлип.

Онро издал радостный вопль и рывком прижал сына к груди.

– Теперь вы видите? Теода была права!

– Я видел, что ребенок сделал произвольное движение, – неохотно согласился Кариф. – Но это единичный, отдельно взятый пример...

Он красноречиво развел руками, показывая, что остается при своем мнении.

– Достаточно и одного. На других у нас просто не было времени, – отрезал Онро. – Нужно рассказать людям, которые собирались внизу. Они станут нашими помощниками.

Он вынес сына в шлюз и стал громко рассказывать толпе о том, что произошло. В ответ зазвучали радостные возгласы и аплодисменты. Маленькая кучка людей, толпившаяся у входа, выразительно показывала на женщину, которая давно просила, чтобы ее пустили.

– Я вас отсюда не слышу, – крикнул Онро.

Слишком много народа кричали, перебивая друг друга, и все они явно старались сообщить что-то одно, очень важное.

Хельва опустила лифт, и вскоре женщина вошла в кабину. Ее было видно едва наполовину, как она радостно выкрикнула свою новость:

– Мы в детском отделении стали проводить терапию, которую показала нам Теода. Уже заметны признаки улучшения. Хотя и не очень явные. Мы хотели бы узнать, что мы делаем не так. Но четверо младенцев уже могут кричать! – выпалила она и, сойдя с платформы, бросилась к Теоде, которая устало привалилась к дверному косяку. – Никогда не думала, что это такое счастье – слышать, как ребенок снова кричит. Одни кричат, другие кряхтят, а одна девчушка даже махнула ручкой, когда ее пеленали. Мы делали все, как вы нам сказали!

Теода с торжеством оглянулась на Карифа, который пожал плечами и кивнул в знак того, что ему не остается ничего другого, как признать ее правоту.

– Послушайте, Кариф, – бросил Онро, войдя в лифт и все еще прижимая сына к груди, – вот что нам предстоит сделать, я имею в виду организацию. Мы не станем отрывать всех жителей вашей планеты от их чрезвычайно важных дел. Можно вызвать с Авалона Молодежный корпус. Это занятие как раз для них.

– Спасибо вам за то, что поверили мне, – сказала медсестре Теода.

– Один из малышей – мой племянник, – прошептала женщина, смахивая с глаз слезы. – Он единственный уцелевший из всего города.

Лифт вернулся и унес пилота с медсестрой. Теода принялась собирать вещи.

– Это было самое легкое. Теперь будет все труднее и труднее – ободрять, наставлять и ни на миг не терять терпения. Даже сынишке Онро предстоит пройти долгий курс лечения, прежде чем он снова станет таким, каким был до болезни.

– Но теперь есть надежда.

– Пока живешь, всегда надеешься.

– Это случилось с твоим сыном? – спросила Хельва.

– С сыном, с дочерью, с мужем – со всей семьей. Только меня болезнь не тронула, – лицо Теоды сморщилось. – И я, несмотря на все мои познания, несмотря на годы практики, не сумела их спасти.

Теода закрыла глаза, словно перед ней снова встала пережитая трагедия.

Хельва задохнулась, свет перед ней померк: в словах Теоды эхом прозвучал тот же бес- сильный упрек, которым она постоянно терзала себя. В памяти снова всплыла обжигающая душу картина: взгляд Дженнана, обращенный к ней перед смертью.

– Не знаю, как человек способен все пережить, – устало проговорила Теода. – Наверное, это инстинкт самосохранения заставляет нас не сдаваться, помогает сохранить рассудок и не потерять себя, прибегая для этого к переоценке ценностей. Помню, мне тогда казалось: если я добьюсь такого профессионального совершенства, что мне больше никогда не придется беспомощно наблюдать, как из-за неумелости умирают любимые люди, то неведение, которое погубило мою семью, обретет прощение.

– Но разве ты могла остановить космическую эпидемию? – спросила Хельва.

– Знаю, что не могла, и все равно не могу себе простить.

Хельва мысленно перебирала слова Теоды, и смысл их, как обезболивающий бальзам, изливался ей в душу.

– Спасибо тебе, Теода, – помолчав, сказала она и снова взглянула на женщину. – О чем ты плачешь?

Она с удивлением увидела, что Теода сидит на краешке койки и по лицу ее безудержно струятся слезы.

– О тебе. Ведь ты сама не можешь, правда? Ты потеряла своего Дженнана, а они даже не позволили тебе передохнуть. Сразу дали приказ доставить меня сюда и...

Хельва глядела на Теоду, ее разрывали противоречивые чувства. Недоверие – неужели кто-то еще может понять ее тоску по Дженнану? Удивление – в час своего триумфа Теода думает о страданиях Хельвы... Она чувствовала, как тугой узел боли мало-помалу ослабевает, и вдруг ошеломленно осознала: ее, Хельву, кто-то жалеет.

– Эй, Хельва, проснись, ради бога, – донесся снизу голос Онро, и она поспешила спустить лифт.

– По какому поводу слезы? Можете не отвечать, – загрохотал он, врываясь в каюту и выдергивая вещевой мешок из обмякших рук Теоды. Потом ринулся на камбуз. – Не сомневаюсь, что у вас есть причина, только знайте: вся планета ожидает ваших указаний...

Он собрал все упаковки с кофе, которые ему удалось отыскать, затолкал в мешок, а те, что не поместились, принялся рассовывать по карманам.

– Обещаю, что дам вам сколько угодно времени, чтобы выплакаться, но только после того, как вы подробно объясните мне режим терапии.

Он сгреб оставшиеся банки в охапку.

– И тогда я предоставляю вам свою жилетку.

– Моя тоже в ее распоряжении, в любое время дня и ночи, – не совсем уверенно вставила Хельва.

– Ты понимаешь, что говоришь? – насмешливо спросил майор. – Разве у тебя есть жилетка?

– Она все прекрасно понимает, – решительно возразила Теода.

Но Онро уже тащил ее к шлюзу.

– Скорее, Теода, нас ждут.

– Спасибо тебе, дорогая, – пробормотала Теода, оборачиваясь к Хельве.

Потом стремительно отвернулась и позволила Онро затолкать себя в лифт.

– Нет, Теода, это я должна тебя благодарить, – сказала Хельва ей вслед. – Мне так недовесавало слез, – тихо добавила она про себя.

Машина стремительно понеслась по направлению к больнице. Хельва видела, как Теода помахала ей рукой. Она знала: Теода поняла все, что осталось невысказанным. Пыль, поднятая транспортом, еще не успела осесть, а Хельва уже отправила на Регул сообщение: «Задание выполнено. Возвращаюсь на базу».

Потом, как феникс, восставший из горького пепла сточасовой скорби, Хельва взвилась на ослепительном хвосте сгорающего топлива и устремилаь вперед – навстречу звездам и исцелению.

Глава 3

Корабль, который убивал

Каждый синапс заключенного в капсулу тела Хельвы, даже самый крохотный, вибрировал от негодования: ну почему Центральные миры снова позволяют себе самоуправство!

– И это у них называется срочно, – в бессильной ярости проворчала она, обращаясь к своей коллеге 822 по внутреннему межкорабельному каналу, который не мог прослушивать даже Ценком.

Но Сельд-Ильза только хмыкнула, в голосе ее не прозвучало ни тени сочувствия:

– Вы хоть что-то делаете. О нашей конторе я и того сказать не могу. Сколько уж недель торчу на старте, дожидаясь, пока они решат, какой планете требуется самая неотложная помощь. А когда мы доберемся до места назначения, там уже такое будет твориться, что и не знаю, как мы будем разгребать этот адский бардак.

– Ты думаешь, у медиков не бывает проволоочек? – огрызнулась Хельва. – Как-то мы с Дженнаном...

И растерянно замолчала: вот она и смогла произнести его имя...

Воспользовавшись этой краткой паузой, Ильза снова принялась бубнить свое, не замечая ошеломленного молчания Хельвы:

– А вспомни, как нас учили! Когда я думаю, сколько мне уже встречалось ситуаций, о которых нам не удалось даже намекнуть... Только и знали, что долбить теорию, методику да устав. И ничего по-настоящему полезного. Знай переливали из пустого в порожнее. Им нужны не умные корабли, а компьютеры! – все больше заводилась восемьсот двадцать два. – Тупые, безмозглые, бесчувственные компьютеры!

Хельва заметила в обличиях Ильзы некоторую непоследовательность, но предпочла промолчать. Они были одноклассниками, и Хельве по прошлому опыту были известны некоторые слабые места ее товарищей.

– Я слышала, – доверительно произнесла 822, – что твое задание имеет какое-то отношение к той голубой панельной пристройке, которая примыкает к больничному корпусу.

Хельва настроила камеру на правом крыле, но в длинном унылом здании не нашлось никаких внешних признаков, по которым можно было бы предположить, что делается внутри.

– А ты, случайно, не слышала, когда я должна отправляться? – с надеждой спросила она.

– Пока больше ничего сказать не могу. Сельд возвращается. Как-нибудь увидимся!

Хельва наблюдала, как «мускул» 822 поднялся в воздушный шлюз, и вскоре SI-822 покинула базу Регул. Однажды Сельд был у них с Дженнаном в гостях, когда оба корабля застряли на Левите-4. Она вспомнила, что у Сельды обнаружился неплохой бас. Хельва ощутила мимо-летний укол зависти к подруге и поскорее переключила камеры на загадочную больничную пристройку. Она терзалась любопытством: что за срочное задание ожидает ее на этот раз? Неужели ей всю жизнь суждено носить только половинку буквенного индекса – эйч?

На этот раз Хельва совершила посадку на самом краю огромного поля базы Регул, как можно дальше от кладбища. Несмотря на то что она уже смирилась с потерей Дженнана, несмотря на живительные слезы Теоды, находиться рядом с могилой возлюбленного значило сыпать соль на едва начавшую рубцеваться рану. Может быть, через век-другой... И вообще, ожидание на Регуле было для нее тягостным. Теперь, когда рядом больше нет 822, она даже не может отвлечься, пожаловавшись подруге на затянувшееся ожидание, на которое ее обрекают.

– Кей-Эйч-восемь-три-четыре, твой «мускул» на подходе. Она доставит пленку с заданием, – прервал ее раздумья голос Ценкома.

Хельва почувствовала волнение. Что ж, во-первых, новость, во-вторых, наконец-то к ней обратились, используя полный буквенный индекс. Уже легче! Нахлынувшая радость заглу-

шила укол сожаления от информации о том, что ее новый «мускул» оказался женщиной. И еще большее облегчение она ощутила, осознав, что снова способна на какие-то чувства после тупого оцепенения, овладевшего ею после смерти Дженнана. Пережитое на Аннигоне помогло ей сбросить апатию.

Со стороны огромного комплекса, где размещались диспетчерские службы и казармы, стремительно приближался наземный транспорт. Он притормозил у ее основания и остановился. Не дожидаясь просьбы, Хельва опустила лифт и стала наблюдать, как маленькая фигурка поднимает на площадку багаж – три предмета.

Похоже, «К» собирается задержаться, решила Хельва. Лифт поплыл вверх, через несколько мгновений новая напарница появилась в отверстии шлюза, четким силуэтом выделяясь на фоне сияющего небосвода.

– Кира с Канопуса просит разрешения подняться на борт Эйч-восемь-три-четыре, – отработовала молодая женщина, четко салютуя в ту сторону, где за своей титановой броней скрывалась Хельва.

– Разрешаю. Добро пожаловать на борт, Кира с Канопуса.

Девушка бесцеремонным пинком толкнула матерчатый мешок в рубку. Два других предмета она осторожно перенесла в пилотскую каюту. У одного из них была странная форма, но после недолгого раздумья Хельва распознала в нем старинный струнный инструмент, называемый гитарой.

«Вполне в их духе – прислать мне напарницу, которая разбирается в музыке», – подумала Хельва, вовсе не уверенная, что ей по нраву посягательство на заветные воспоминания, связанные с Дженнаном. Но она безжалостно отбросила эту мысль как недостойную, напомним себе, что многие из персонала службы занимаются музыкой: безграничные возможности искусства помогают коротать время в долгих полетах не без приятности.

Кира раскрыла последний контейнер, и Хельва, украдкой заглянув внутрь, увидела, что он битком набит ампулами и прочей медицинской утварью. Пробежав быстрыми пальцами по содержимому коробки, Кира закрыла крышку, затем бережно пристегнула контейнер к полке рядом с койкой, чтобы уберечь от опасностей, связанных с ускорением.

И внешне, и поведением Кира оказалась полной противоположностью Дженнану. Не говоря уже о том, что была женщиной. Поскольку Хельва не могла отделаться от подозрений, она невольно задала себе вопрос: не кроется ли за этим тонкий расчет? Но тогда придется признать, что Ценкому со всеми его компьютерами присуща большая проникаемость, чем она привыкла считать.

Кира с Канопуса весила никак не больше сорока кило, и это в полном обмундировании. Ее узкое личико со скошенными скулами было утонченным, нежным и плохо сочеталось с грубоватым прозвищем «мускул» – так именовали пилотов «умных» кораблей. Темно-каштановые волосы, туго заплетенные во множество косичек, увенчивали удлиненную головку затейливой короной. Широко расставленные миндалевидные глаза в ореоле густых ресниц отливали чистой, прохладной зеленью. Тонкие чуткие пальцы были так же изящны, как маленькие узкие ступни, сохранявшие странную грацию даже в тяжелых форменных сапогах.

Девушка вернулась в рубку. Хельве, привыкшей к замедленным движениям Теоды, пришлось срочно перестраиваться.

Вот Кира вставила в углубление на приборной доске кассету с полетным заданием. Пошла запись, и у Хельвы вырвался возглас изумления:

– Триста тысяч младенцев?

Кириин смех прозвучал как веселый перезвон бубенчиков.

– Да! Теперь ты ни дать ни взять межпланетный аист!

– Так ты здесь только временно? – спросила Хельва, стараясь не выдать своего разочарования. Было в Кире что-то притягательное, что-то подкупающее с первого взгляда.

Девушка натянуто улыбнулась.

– Да. Только кто знает, сколько времени уйдет на выполнение задания? Пока в нашем распоряжении всего тридцать тысяч. Даже в наш век дети быстро не делаются.

– Но я совсем не приспособлена... – начала Хельва.

Ее приводила в ужас перспектива превратиться в летающие ясли. Она замолчала – пошли подробные объяснения состояния предполагаемого груза.

– Что – младенцы в лентах?!

Услышав ошеломленную реакцию Хельвы, Кира, которая уже получила инструкции о предстоящем задании, звонко расхохоталась.

Разъяснения бесстрастно шли своим чередом, и постепенно Хельва поняла, зачем в ее не слишком просторных грузовых отсеках разместили километры пластиковых трубок и баки с какой-то жидкостью.

В звездной системе Неккар неожиданный всплеск радиации привел к тому, что все население недавно колонизированной планеты стало бесплодным. А в результате случайной аварии в системе энергоснабжения полностью погиб эмбриобанк. Целью полета КН-834 была доставка на Неккар эмбрионов с тех планет, которые откликнулись на призыв о помощи.

В самые первые дни развития космонавтики, когда нога человека еще не ступала ни на Марс, ни на спутники Юпитера, генетика достигла колоссальных успехов. Человеческий зародыш на ранней стадии развития научились пересаживать из одной матки в другую, и приемная мать, не будучи родственницей младенца, вынашивала его и производила на свет. Второй важнейший шаг вперед в распространении человеческого рода был сделан, когда мужскую сперму удалось соединить с женской яйцеклеткой в лабораторных условиях. Оплодотворение прошло успешно, ребенок нормально развивался и рос.

Впоследствии для тех, чья профессия была связана с постоянным риском, а также для носителей особо желательных, доминирующих показателей умственного или физического совершенства стало правилом сдавать сперму и яйцеклетки в учреждение, которое получило название Банк Сохранения Человечества – БСЧ.

По мере того как цивилизация расширяла свои границы, охватывая все новые миры, суровые и опасные, у молодых мужчин и женщин, достигших зрелости, вошло в привычку оставлять свое семя в БСЧ. Это диктовалось здравым смыслом – всегда иметь в своем распоряжении собрание жизнеспособных зародышей, классифицированных по генетическим признакам. Тогда, если, к примеру, возникнет недостаток в воспроизводстве какой-либо конкретной этнической группы, можно будет поставить необходимое количество дополнительных эмбрионов, дабы восстановить экологическое равновесие.

Что касается решения личных проблем, то безвременно овдовевшая молодая женщина могла теперь выносить ребенка от покойного мужа, воспользовавшись его семенем, хранящимся в БСЧ. Любой человек, желающий, чтобы его наследник обладал выраженными генетическими признаками, которые помогут ему прославить фамильное имя или дело, тоже мог обратиться в банк. Не обходилось, конечно, и без курьезов: некоторые женщины, жертвы истерического обожания какой-нибудь знаменитости – покорителя космоса или модного актера, – кидались в БСЧ, стремясь заполучить его семя, и, если мужчина не возражал, удовлетворяли свою прихоть. Но естественное зачатие все же оставалось скорее правилом, чем исключением. И сама Хельва появилась на свет в результате естественного соития родителей.

В основном БСЧ выполнял для Центральных миров функцию хранилища на случай таких катастроф, какая и постигла Неккар, – когда население потеряло способность к самовоспроизводству. Главное отделение БСЧ на Земле получило запрос: изыскать и доставить триста тысяч оплодотворенных яйцеклеток, по генотипу сходных с неккарийскими. На тот момент БСЧ смог предоставить только тридцать тысяч, поэтому он отправил во все крупнейшие фили-

алы, расположенные на входящих в Центральные миры планетах, просьбы о содействии. А КН-834 предстояло собрать эти вклады и переправить на Неккар.

Запись заканчивалась беззвучным стоп-сигналом, предназначенным только Хельве. Она недоумевала: получив исчерпывающую информацию о полете, она так ничего и не узнала о своей новой напарнице. Пусть Кира – лишь временная замена, но полет обещает стать довольно продолжительным. Не мешало бы все-таки узнать о партнере хотя бы самое основное, чтобы их сотрудничество сложилось успешно. Хельва покорно остановила пленку, предварительно переписав ее себе в память, чтобы прослушать на досуге. Похоже, в этом задании ожидается немало сюрпризов. Поистине, пути Центральных миров неисповедимы, когда они преследуют свои цели.

– Ну и ну! – воскликнула Хельва, нарушив краткое молчание, которое повисло в рубке после того, как отзвучало полетное задание. – Никак не ожидала, что мне в моем нежном возрасте доведется стать матерью! Теперь я вижу, что недооценивала требования, которые миры предъявляют к фаворитам.

Ее попытка невинно пошутить вызвала у Киры такую бурную реакцию, что Хельва придумалась: звезды небесные, что за напарника ей навязали!

– Прежде чем приступить к выполнению задания, послушай-ка сначала еще одну пленку, – помертвевшим голосом произнесла девушка, разом утратив всю свою жизнерадостность.

Она резко ударила по клавише памяти, отправив полетное задание в корабельный архив, и вставила вторую кассету. Потом крутанула верньер аудиовоспроизведения и равнодушно застыла в кресле, как будто подробности собственной биографии ее нисколько не касались.

Кира Фалернова-Мирски с Канопуса прошла почти полное обучение как «мускул», ей оставался только один год учебы. Происходит из семьи, на протяжении десяти поколений самыми тесными узами связанной с космической службой. Немало блестящих представителей семьи доблестно трудились в разных подразделениях Центральных миров. После замужества взяла академический отпуск, который продлился два года. Незадолго до истечения этого срока ее муж погиб. Последовала длительная госпитализация и лечение. В это время, говорилось в записи, Кира по собственному желанию получила медицинское образование, но в школу пилотов больше не вернулась. Сейчас она пошла навстречу просьбе высшего руководства лишь потому, что ее подготовка идеально отвечает потребностям данного полета.

Дальше шел закодированный перечень личных показателей – эмоциональных, психологических и интеллектуальных, – которые Хельва немедленно расшифровала. Из них следовало, что Кира Мирски с Канопуса могла бы стать первоклассной «мускульной» половиной умного корабля, приложи она для этого хотя бы половину старания. Запись оборвалась неожиданно, оставив у Хельвы отчетливое ощущение, что сказано далеко не все. То, что ролик с полетным заданием запрещалось воспроизводить до конца, говорило гораздо громче, чем тривиальные оценки и выводы, содержащиеся во второй пленке. Центральные миры отличались редким умением «наводить тень на плетень». Наверняка и явное умолчание – их очередной трюк.

И Кира это, конечно, почувствовала. Чертов офицер, составлявший ее биографию! Он оставил слишком много белых пятен, и это не могло пройти незаметно для человека, прошедшего почти полный курс подготовки. Хельва сгорала от любопытства: ей не терпелось узнать, что же скрывается за стоп-сигналом. А пока ситуация складывалась весьма неловко – ее напарница замкнулась в своей раковине, терзаясь невысказанными подозрениями. Да, Центральные миры сделали все, что могли, чтобы испортить их первый, самый важный контакт.

Неожиданно Хельва громко и пренебрежительно фыркнула – и с облегчением увидела, что Кира удивленно взглянула в ее сторону.

– Не понимаю, чем они думали? – презрительно изрекла Хельва. – Разве это можно назвать биографией? Они упустили половину сведений. – Она снова фыркнула. – Надеюсь, мы

прекрасно поладим, хотя бы потому, что они пропустили всю банальщину. К тому же наше сотрудничество носит временный характер.

Кира ничего не ответила, но ее хрупкая фигурка расслабилась, как будто приговор, который она так боялась услышать, в последний момент отменили. Она с трудом проглотила комок в горле и нервно облизнула пересохшие губы, все еще не уверенная в том, что ее ожидает. Девушка явно настроилась на что-то гораздо худшее.

– Ну что ж, давай загружаться – мне не терпится стать летающей колыбелью.

Кира встала, в ее движениях ощущалась скованность, но ей уже удалось улыбнуться.

– С удовольствием. Оборудование уже завезли?

– Метры кружев подшиваю, велик строю на двоих, – бодро ответила Хельва словами из старинной детской песенки. Она решила во что бы то ни стало разрядить обстановку.

Кира снова улыбнулась, уже более непринужденно, движения ее обрели прежнюю легкость и плавность.

– Очень похоже...

– Хотя я никогда не видела велосипеда, тем более на двоих...

– А Лиловую корову? – по-девчоночьи хихикнула Кира.

– Лиловая корова, мой дорогой «мускул», как раз то определение, которое отлично подходит к нашему нынешнему занятию, – ответила Хельва, словно и не замечая, что смех девушки звучит чуть надтреснуто. – Только не говори мне, что в грузовых отсеках, которыми заботливо снабдили меня Центральные миры, найдется место для трехсот тысяч механических титек.

– Все не так страшно, – успокоила ее Кира. – Для начала мы примем на борт только первые сто тысяч, которые успели заказать к тому времени, когда записывалась эта пленка. Мы стартуем с Регула и двинемся в сторону Неккара, по пути собирая все, что нам приготовили. Зародыши нужно доставить в четырехнедельный срок, за это время их необходимо имплантировать, иначе будет поздно. А потом начнем все сначала – и так, пока не наберется нужное количество.

Это Хельва и сама знала из задания.

– Триста тысяч – не так уже много для планеты с миллионным населением, которое к тому же должно расти.

– Кей-Эйч-восемь-три-четыре, дорогуша, – сладчайшим голосом пропела Кира, – тебе ли не знать, что словечко «временный», особенно когда его использует наша обожаемая служба, имеет тенденцию растягиваться до бесконечности. К тому же еще одна команда, которую сопровождают беспилотные транспортные корабли, занимается тем, что собирает детей-сирот по разным захолустным планетам, чтобы обеспечить нужный возрастной состав. Но дети, которые уже родились, не наша забота.

– И слава богу! – буркнула Хельва.

У нее не было ни места, чтобы перевозить подвижные живые существа, ни тем более желания: слишком мало времени минуло со дня трагедии на Хлое.

Улыбнувшись Хельве, Кира связалась с отделением больницы, чтобы заявить о готовности принять груз на борт.

– Включи, пожалуйста, систему подачи, – попросила она Хельву, которая как раз этим и занималась.

Километры пластиковых трубок, которые скоро заполнятся крошечными мешочками с оплодотворенными яйцеклетками, должны постоянно подводить питательную и амниотическую жидкости, необходимые для роста зародышей.

Длинные ленты, состоящие из крошечных кармашков, в каждом из которых был заключен микроскопический живой организм, готовили к предстоящему путешествию с заботой и тщанием, сравнимыми разве что с подготовкой к сложнейшей хирургической операции для

главы планеты. Ведь нужно было присоединить каждый сегмент к системе подачи питательной жидкости и к выпускному клапану для удаления отходов, а потом проверить каждый сантиметр ленты – надежен ли контакт. Лента и жидкость, в которую она будет погружена, а также трубка-оболочка защитят зародышей от всех невзгод космического полета даже надежнее, чем если бы они предприняли это путешествие в материнском чреве. И если КН-834 достигнет Неккара в четырехнедельный срок, все тридцать тысяч эмбрионов благополучно доживут до рождения.

Скоро Хельва убедилась, что Кира выполняет свои обязанности вполне квалифицированно, но как-то без души. Может быть, Центральные миры рассчитывали, что материнский инстинкт станет дополнительной гарантией успешного выполнения задания? Хельва, внутренне потешаясь над собой, обнаружила, что у нее, капсульника с недоразвитым гипофизом, эта цель вызывает благородный трепет. Кира же, столь молодая, что ей еще наверняка предстоит пережить все радости материнства, оставалась совершенно равнодушной. Хотя, разумеется, теплое чувство, которое Хельва ощущала по отношению к крошечным путешественникам, было чисто капсульной реакцией. Ведь, в конце концов, они, как и сама она, находились в заключении. Вся разница в том, что они в один прекрасный день выйдут из своей лабораторной скорлупы, она же об этом не могла и мечтать. Да и не хотела. И все же она чувствовала, как в душе растет желание опекать их... Она никогда не ощущала ничего подобного по отношению к своим взрослым спутникам. Почему же Киру эта ситуация ничуть не затронула? – терялась в догадках Хельва.

Она старалась понять, разгадать причину Кириной холодности – и не могла. Наконец сотрудники технической службы, занимавшиеся размещением драгоценного груза, удалились. Хельва занялась подготовкой к взлету.

Какое все же облегчение – когда на борту человек, который может сам позаботиться о себе. Нельзя сказать, чтобы Теода психологически обременяла Хельву, но Кира отлично знала все процедуры, и Хельве не приходилось отвлекаться, чтобы следить за ней. Она выполнила взлет при минимальной тяге, и не потому что эмбрионы, защищенные тройной оболочкой могли пострадать, включи она всю мощность. Просто Хельва предпочитала не делать ничего лишнего: у них была масса времени, чтобы добраться до Неккара, лежавшего в секторе Бетез.

Первая планета, которую им предстояло посетить, звалась Талита – там их ожидали сорок тысяч будущих граждан Неккара. После взлета Кира дотошно проверила все системы питания, сравнила свои выводы с данными на дистанционном мониторе Хельвы и доложила Ценкому, что они покинули Регул и направляются к Талите.

Покончив с формальностями, Кира уселась в пилотское кресло и стала медленно поворачиваться на шарнире из стороны в сторону. В глубоком мягком кресле, где совсем утонула ее миниатюрная фигура, она казалась слишком юной и хрупкой для возложенной на нее ответственности.

– Наши кладовые просто ломятся, – заметила Хельва.

Кира лениво потянулась и повела плечами, разминая затекшие мышцы. Потом резко потрянула головой, от чего по кабине разлетелся дождь заколок, а косички, выбившись из прически, рассыпались по спине. Хельва изумилась. Обычно женщины-космонавты носили волосы до плеч. А у Киры концы косичек свесились почти до пола. Вместе со строгой прической она сразу утратила последние оттенки взрослости. Похожая на древнее фантастическое существо, девушка поднялась с пилотского кресла и направилась в сторону камбуза.

– А не найдется ли у тебя по какой-нибудь счастливой случайности напитка, именуемого кофе? – жалобно протянула она.

Хельва вспомнила Онро и усмехнулась про себя, – похоже, это профессиональная зависимость медиков.

– У меня его втрое больше, чем обычно поставляет интендантская служба, – заверила она девушку.

– Правда?! – Кира закатила глаза, демонстрируя преувеличенный восторг. – Понимаешь, корабль, на котором я летела сюда, был допотопной посудиною с Дракона, и, представь себе, у него на борту не было ни капли кофе. Я чуть не погибла!

Кира распахнула нужный шкафчик, сорвала герметическую крышку и с наслаждением вдохнула аромат, поднявшийся от закипающей жидкости. Щурясь от горячего пара, она сделала первый глоток и с выражением огромного облегчения прислонилась к стенке.

– Мы с тобой отлично поладим, Хельва. Я в этом просто уверена.

Хельва уловила в звенящем голоске отзвук усталости. Неужели она обречена на пассажиров, находящихся на последней стадии изнеможения? Или дело в ней самой – ну почему, попадая к ней на борт, все сразу впадают в сон? Правда, для летающих яслей это как раз большое преимущество, кисло подумала она.

– У тебя был отличный день, Кира. Почему бы тебе не отдохнуть? Я-то в любом случае не ложусь.

Кира фыркнула: ей было отлично известно, что умные корабли никогда не спят. Она оглянулась в сторону грузовых отсеков.

– Буду держать ушки на макушке, – пообещала Хельва.

– Сейчас допью кофе и чуточку вздремну, – согласилась Кира.

Остановившись на пороге каюты, она обернулась в сторону Хельвы и вздернула подбородок, ее зеленые глаза озорно блеснули.

– Признайся, Хельва, ты не подглядываешь? – строго осведомилась она, для пущей выразительности поджав губы.

– Смею вас заверить, пилот, – с превеликим достоинством отвечала Хельва, – что я прекрасно воспитанный корабль.

– Значит, я могу надеяться, что вы всегда будете вести себя безупречно, как и приличествует персоне вашего ранга и звания, – заметила Кира с такой надменностью, будто в ее родословной было не меньше дюжины принцев крови.

Высоко подняв голову, девушка гордо прошествовала в каюту, но наступила на собственную косичку и чуть не шлепнулась. Хельве отчаянно захотелось взглянуть на выражение ее лица.

– Не вздумай подглядывать! – давась от смеха, взвизгнула Кира.

Но насчет подслушивания уговора не было, и Хельва слышала, как девушка приглушенно хихикает. Прошло несколько минут, и в каюте воцарилась тишина, нарушаемая ровным дыханием спящей.

Хельва извлекла из памяти конец ленты, следовавший за стоп-сигналом, и воспроизвела. Полученная краткая информация оказалась загадочной:

«Пилот Мирски – практикующий диланист. Приняв данное предложение Центральных миров, не отказалась от своей деятельности. Соответственно, ей не разрешено посещение планет: Рас Алготи, Рас Алхейг и Сабек, поскольку ее практика является нарушением межпланетных законов, запрещающих оказывать давление на правительственные группировки, и/или грозит создать нежелательные осложнения для Центральных миров. Вышеупомянутому пилоту и его кораблю запрещается, повторяю, запрещается приближаться к планетам систем Багам и Гоман в секторе Пегас, а также к планетам систем Бейд и Кейд в секторе Эридан».

Казалось бы, сказано яснее ясного, но что за причины скрываются за этими запретами, осталось для Хельвы полнейшей загадкой. Выходит, Кира практикующий диланист, что бы это ни значило. Слово звучало странно знакомо. Гитара, с которой девушка так заботливо обращалась, подсказывала, что оно имеет какое-то отношение к музыке. Ладно, решила Хельва, надо будет при случае завести разговор на эту тему.

Шестидневный путь до Талиты скрашивался постоянными переменами Кирино настроения и поведения – только что она была сорванцом, и вот уже королева. Хельва не

имела ничего против. Это казалось ей приятным разнообразием после флегматичности Теоды и не давало сосредоточиться на горестных воспоминаниях о Дженнанае. Она ни разу не смогла предугадать, что выкинет Кира в следующую минуту. Но когда дело доходило до проверки их крошечных пассажиров, девушка проявляла профессиональную сноровку и нудную вездливость.

Дубхе, вторая планета на их пути, вышла на связь, подтверждая готовность сорока тысяч оплодотворенных яйцеклеток. Кира проверила подсчеты БСЧ на Дубхе и одновременно с Хельвой получила ту же цифру. Она могла сколько угодно ребячиться, но ум ее работал четко и безошибочно.

Прием груза на Талите прошел без нежелательных осложнений. Кирина дотошность и внимание к мелочам помогли предотвратить большую неприятность. Один из помощников, спешивший поскорее покончить со своими обязанностями, наступил на шланг, ведущий к заполнявшим грузовой отсек бакам.

Кира обрушилась на него с гневной тирадой, в которой красноречиво описала его предков до седьмого колена, его личные качества, его ближайшее будущее, а возможно, и предыдущее, если он вздумает еще раз допустить что-то подобное. После версии на бейсике она повторила свой монолог еще на трех известных Хельве языках, а потом на нескольких, которые звучали куда более устрашающе. Однако, излив свой гнев, она мгновенно остыла и спокойно извинилась перед начальником группы.

Когда они покинули Талиту, Кира, избавившись от заколок, удерживавших ее прическу, облегченно вздохнула и устроилась в пилотском кресле поудобнее.

– Мне удалось разобрать только три характеристики, которыми ты его наградила, прочие остались для меня загадкой.

– Я уже давно обнаружила, что добрый старый русский, щедро приправленный нововенгерским, производит весьма грозное впечатление, – ответила девушка. – А вообще-то, я просто излагала рецепт белкового блюда под названием паприкаш. А ведь никогда не подумаешь, правда?

Широко раскрыв зеленые глаза, она задорно улыбнулась Хельве.

– Да, впечатление производит отменное. Тот верзил побелел как полотно.

– Торн...

Кира замолкла и стиснула зубы, на один мимолетный миг лицо ее исказила судорога острой боли.

– Пожалуй, – еле слышно прошелестела она, – я и правда проговорила. – Голос ее звучал вяло и безжизненно. И вдруг глаза широко раскрылись, лицо обрело прежнюю подвижность. – Приготовлю-ка я себе паприкаш! Я, знаешь ли, до того разозлилась, что даже вспомнила точный рецепт. – Она закружилась по рубке. – Мне дала его одна старая цыганка. – Она погрозила Хельве пальцем. – Только чур не подглядывать! Это фамильный секрет.

Поднявшись на цыпочки, она сделала несколько пируэтов в сторону камбуза и, запыхавшись, прислонилась к стенке, беззаботно хохоча.

– Скажи, правда божественный запах? – спросила она через некоторое время, поднеся тарелку к самой панели, за которой скрывалась Хельва. – Сюда бы еще лапши и свежего хрустящего хлеба!

Набив полный рот, она застонала от удовольствия.

– Просто объеденье! Я еще не утратила былых навыков.

Прижав пальцы к губам, Кира изобразила воздушный поцелуй, переживая изысканное наслаждение завязтого гурмана.

– Восторг и упоение!

Поджав под себя ноги, она по-домашнему расположилась в просторном кресле и стала жадно есть, то и дело облизывая пальцы.

– Ты заставляешь меня пожалеть, что мне всю жизнь приходится довольствоваться питательной жидкостью, – заметила Хельва. – В первый раз встречаю человека, который получал бы столько удовольствия от такого незатейливого процесса, как еда. А ведь ты явно не страдаешь от избытка калорий.

Кира небрежно дернула плечиком.

– Отличный метаболизм. И с годами ничуть не меняется. Такая уж я уродилась!

И снова в ее беззаботном голоске прозвенела скрытая горечь.

Хельва начала подозревать, что за этими внезапными сменами настроения кроется не столько природная взбалмошность, сколько тщательно выстроенная защита смертельно раненой души, которая всеми силами старается унять боль, избегая любых напоминаний о ней.

Хельва помнила, как аккуратно Кира укладывала гитару в свой шкаф. Она ни разу даже не намекнула, что инструмент ее ждет. Может быть, она просто щадит Хельву, не желая напоминать о недавней трагедии? Ведь Кира наверняка знает о гибели Дженнана и о тех легендах, которые уже начали слагаться вокруг 834. Или у нее есть свои причины не вспоминать о гитаре?

Наконец девушка насытилась. Пустая тарелка стояла у нее на колене. Лицо приобрело отрешенное выражение, глаза пусто глядели в одну точку.

Ею все сильнее овладевали равнодушие и тоска, и Хельва поняла, что нужно поскорее вывести Киру из этого состояния. Видимо, несмотря на внешне беспечную болтовню, девушка слишком глубоко ушла в свои переживания, чтобы справиться самой.

Не дав себе времени осознанно выбрать что-нибудь подходящее из своего богатого музыкального репертуара, Хельва стала тихо напевать старинную песню:

Хоть ненадолго музыка вас отвлечет от всех забот,
Дивясь, как наступает облегченье,
Что облегчит твои страданья.

– Что облегчит мои страданья? – злобно прошипела Кира, и ее зеленые глаза засверкали ненавистью, сверля титановый пилон. – Ты хочешь знать, что облегчит мои страданья?

Неуловимым движением она как отпущенная пружина взвилась с места. От ярости она даже стала казаться выше ростом. Неожиданная сила, обнаружившая в этом миниатюрном теле, испугала Хельву.

– Смерть! Слышишь? Только СМЕРТЬ!

Она повернула руки ладонями вверх, и Хельва увидела тонкие белые шрамы на местах, где были перерезаны вены.

– А ты! – Кира уронила руки. – Ведь у тебя была возможность умереть. И никто не смог бы тебя остановить. Так почему же ты этого не сделала? Что заставило тебя жить после того, как ОН умер? – с ядовитым презрением выкрикнула девушка.

Хельва судорожно вздохнула, стараясь отогнать мучительные воспоминания о том, как она боролась с отчаянным желанием броситься в раскаленное белое сердце взорвавшегося солнца.

– Ты понимаешь, что человеку не позволяют умереть, даже если он об этом мечтает? Не позволяют! – Кира заметалась по рубке, и в ярости сохраняя странную звериную грацию. – Тебя тут же подвергают такой мощной обработке, что ты уже больше не можешь. В нашем великом обществе дозволено все – все, кроме единственной малости, которая тебе необходима, если волею судеб тебе нужна просто смерть. Знаешь ли ты, что меня три года не оставляли в покое? А теперь... – Кирино лицо было изуродовано гневом и презрением, – теперь ко мне приставили тебя в качестве сиделки. И не думай, что я не знаю: тебе, уж конечно, не преминули по секрету сообщить, что я психически неуравновешена.

– Ну-ка, сядь, – холодно приказала Хельва.

Она включила окончание пленки, содержавшее уже известные ей запреты. Как только смысл информации дошел до Киры, девушка безжизненно поникла в пилотском кресле. Лицо ее утратило всякое выражение.

– Прости меня, Хельва. Я страшно виновата. – Она протянула дрожащие руки. – Просто я не могла поверить, что они наконец-то оставили меня в покое.

– Обработка у них на уровне, – тихо обронила Хельва. – Впрочем, так и должно быть, без этого не обойтись. Не могут же они допустить, чтобы люди и корабли теряли рассудок от горя. И я думаю, на этот раз они оставили тебя в покое. Они просто сделали так, чтобы ты не могла попасть на те немногие планеты, где разрешено ритуальное самоубийство, – на Гоман, Багам, Бейд и Кейд. А самоубийство они не могут тебе позволить по той простой причине, что духовное кредо Централных миров – продление и распространение жизни всеми доступными методами и средствами. Перед тобой живой пример крайностей, до которых они сознательно доходят в своем стремлении сохранить человеческую жизнь. Другой аспект того же кредо – БСЧ. А твое стремление покончить с собой есть нарушение кредо, чего они допустить не могут. Даже на планетах, входящих в сектора Пегас и Эридан, условия, при которых самоубийства разрешаются, весьма ограничены. К тому же там приняты довольно жесткие ритуалы, цель которых – удостовериться, кто из бедняг действительно заслуживает такой милости.

Хельва на секунду приостановилась и саркастически заключила:

– Остается надеяться, что они изобретут какое-нибудь средство, которое позволит облегчить боль потери, раз уж смерть остается единственным недугом, который великие и славные Централные миры так и не смогли излечить.

Спутанные волосы Киры упали на лицо. Даже тонкие пальцы ее были совершенно неподвижны. Она так глубоко ушла в свое горе, что Хельва ощутила внезапный приступ безмерного возмущения: ну можно ли так предаваться жалости к себе? Да, она и сама испытала искушение покончить с собой, но ее психопрограммирование удержалось. Она выплакала свою тоску бездонному космосу, а потом вернулась к жизни и вместе с Теодой отправилась к Аннигону. Она, как и Теода, пережила свою трагедию. Как и многие до них в этой вселенной. Если медики поняли, что блокирование... Ах да, вспомнила Хельва, ведь Кира почти закончила пилотскую подготовку, значит она устойчива к блокированию, и единственным методом терапии оставалось интенсивное психопрограммирование. Бесследно стереть то, что случилось, они не могли. Оставалось только что загнать его внутрь.

Хельва окинула свою напарницу равнодушным взглядом. Ее бесила ситуация, в которую она попала по милости Централных миров. Ведь они прекрасно знали, чего хотели добиться от Хельвы, подсунув ей Киру. Это тоже часть их хваленного кредо. Цель оправдывает средства.

– Скажи, Кира, а кто такие диланисты?

Опущенная голова рывком поднялась, волосы волной схлынули с лица. Девушка поморгала и уставилась на Хельву.

– Чего-чего, а этого вопроса я никак не ожидала, – тихо ответила она, коротко рассмеявшись, тряхнула головой, откинула волосы за спину. Потом устремила на Хельву задумчивый взгляд. – Ладно, с тебя снимается обвинение в психотерапии без запроса. Хотя, – она жестом обвинителя направила на Хельву тонкий палец, – меня так уламывали согласиться на этот полет, что мне показалось весьма подозрительным, когда моим кораблем оказалась именно ты.

– Что ж, твой вывод вполне логичен, – спокойно согласилась Хельва.

Кира положила узкую ладонь на переборку – квадратную пластину, предоставлявшую единственный доступ к титановой оболочке, в которой обитала Хельва. В этом порывистом движении были раскаяние и мольба. Если бы Хельва могла ощущать прикосновения, она почувствовала бы легчайшее пожатие.

– Диланист – это социальный комментатор, выразитель протеста, а музыка для него – орудие, средство выражения. Искусный диланист, а я к ним отнюдь не принадлежу, – по тому,

как Кира это произнесла, Хельва сделала вывод, что к искусным диланистам она причисляла Торна, своего покойного мужа, – может музыкой и словами создать столь неотразимые доводы, что все, в чем он хочет убедить своих слушателей, намертво впечатывается в их подсознание.

– Песня, действующая как внушение?

– Разве с тобой не бывало, чтобы тебя преследовал какой-нибудь мотив?

Кира приостановилась на пороге своей каюты.

– Пожалуй, – после паузы согласилась Хельва, хотя и не была вполне уверена, что тема из Второй космической сюиты Роволодора именно то, что имеет в виду Кира.

– По-настоящему талантливый композитор-диланист, – продолжила Кира, возвращаясь с гитарой, – способен создать мелодию, несущую в себе послание такой силы, что каждый начинает ее напевать или мурлыкать, насвистывать или барабанить, причем совершенно произвольно. Бывает даже, проснешься поутру – и в голове у тебя уже звучит диланическая песня. Можешь себе представить, какой эффект это производит, когда песня используется в целях воздействия на массы!

Хельва громко расхохоталась.

– Стоит ли удивляться, что Центральные миры опасаются тебя как огня.

Кира проказливо хихикнула.

– На это есть специальный параграф в нашем соглашении, а кроме того, я обладаю способностями и талантами, которые могут найти достойное применение на службе Центральным мирам.

Она состроила гримаску и ударила по струнам. Аккорд прозвучал фальшиво: видимо, инструмент расстроился от долгого бездействия. Кира принялась настраивать гитару, начиная с басовой струны, и лицо ее приняло неожиданно мягкое выражение. Вот она взяла пробный аккорд, еще немного подтянула струну «ми» и удовлетворенно кивнула, услышав сочный, чистый звук.

Ее сильные стремительные пальцы плели причудливый узор из мелодии и аккордов, рождая звуки такой силы, какой трудно было ожидать от столь хрупкого инструмента. Хельва с изумлением узнала старинную фугу Баха, но тут Кира сердито оборвала игру и прижала струны ладонью.

– Бог ты мой! – Она всплеснула руками и вдруг сжала кулачки. – Ведь я не играла с тех самых пор...

Потом взяла мажорный аккорд и перевела его в приглушенный минор.

– Помню, как-то мы всю ночь напролет... и половину следующего дня... пытались анализировать одну раннюю песню Боба Дилана. Только вот беда! Дилана невозможно анализировать. Его нужно чувствовать. А если попробовать разложить то, о чем он говорит, по полочкам, используя бейсик или психологические термины... получается суцкая бессмыслица. Именно полное образное слияние музыки и слов рождает в душе такой отклик. В этом и состоит цель его творчества. Когда нутро откликается, рассудок получает по мозгам, и из нерушимого на первый взгляд монолита вываливается кирпич.

– Тогда его творчество можно назвать неплохой терапией, – сухо отозвалась Хельва.

Кира пронзила ее сердитым взглядом, который сразу же сменился улыбкой. Гитара тоже рассмеялась.

– Недостаток терапии в том, что ты начинаешь придавать простейшим словам и поступкам слишком много разных противоречивых значений, а потом сам запутываешься и подозреваешь всех и вся.

Кирина гитара откликалась на все ее слова насмешливым эхом.

На панели вспыхнул красный сигнал тревоги. Одновременно внутренние датчики Хельвы получили предупреждение. Не успела Хельва включить систему видеоконтроля, как в кресле осталась одна лишь гитара, а Кира уже была на полпути к отсеку № 3. Она замешкалась

у двери ровно настолько, чтобы оценить масштаб аварии, и тут же бросилась в дальний отсек, где хранились запасные детали.

Повреждение, случившееся по вине неуклюжего монтажника, после тщательной проверки своевременно устранили: трубопровод на выходе из бака с питательной жидкостью был надежно изолирован. Но в спешке не заметили, что на другом конце линии образовалась течь. Из образовавшегося отверстия вылилось достаточно жидкости, чтобы сигнализатор это зарегистрировал. Настроив зрение на увеличение, Хельва поспешно принялась осматривать отрезок ленты с зародышами, получавший питание от этого бака. Несмотря на утечку, содержимое ленты было достаточно увлажненным.

Кира уже прибежала обратно с новым куском трубы и соединениями. Она проворно заменила поврежденный отрезок, бдительно следя, чтобы в трубку не попали пузырьки воздуха. Потом, вооружившись увеличительным прибором, проверила всю ленту целиком и каждый крошечный мешочек в отдельности, пока не убедилась: не осталось ни единого пузырька, и ни один контакт между верхом мешочка и патрубком, подводящим питательный раствор, не нарушен.

Покончив с этой процедурой, она проверила контакты других лент, каждой линии, каждого бака, каждого соединения. На эту работу ушло несколько часов, но она ни разу не попыталась ускорить кропотливый процесс.

Наконец, убедившись, что все в порядке, она вместе с Хельвой еще раз проверила показания внутренних датчиков и только после этого закрыла двери инкубатора.

– Надо было разрезать этого типа на куски и пустить на паприкаш! Он это вполне заслужил, – свирепо прошипела Кира, удаляясь в свою каюту.

Хельва слушала до тех пор, пока не уловила ровное, глубокое дыхание. И все это время с пилотского кресла на нее молча глядела гитара, а обрывки запомнившейся мелодии преследовали ее всю долгую ночную вахту.

Кира настояла, чтобы на Дубхе поврежденную ленту подвергли тщательнейшему спектральному исследованию, дабы удостовериться, что ни один из нескольких тысяч эмбрионов не пострадал. Какие бы внутренние конфликты ни раздирали Киру, она не позволяла им влиять на свою работу. И Хельва, бывшая свидетелем душевных бурь, сотрясавших ее напарницу, по достоинству оценила ее профессиональные качества.

Закончив дела на Дубхе, КН-834 поспешила к Мераку, где ее ожидали еще двадцать тысяч эмбрионов. На коротком отрезке пути от Дубхе до Мерака ни Кира, ни Хельва не вспоминали о «паприкашном» инциденте. Но гитару девушка больше не прятала и по вечерам знакомила Хельву с образцами дилановского стиля, впечатляющего блистательным юмором и острой социальной направленностью, – от старинных песен-грез, относящихся к Декаде протеста ранней атомной эры, до самых современных произведений.

Кира как раз исполняла, причем весьма искусно, очень ранний Дилан «Гонимые ветром», когда пришел вызов с Алиота. Бережно отложив гитару, она ответила на вызов, и на лице ее отразилось вежливое недоумение.

– Пятнадцать тысяч? – переспросила она.

Как поняла Хельва, она получила неожиданно резкий ответ, после чего собеседник сразу отключился. Хельва немедленно запросила в памяти корабля сведения об этой планете.

– Странно, – пробормотала она.

– Что именно? – осведомилась Кира, записывая полученные цифры.

– У меня нет никаких данных о том, что на Алиоте существует отделение банка. И вообще это довольно мрачная планета с весьма активной вулканической деятельностью. Развитая горная промышленность, причем руды добываются в виде расплавов. И самый высокий уровень смертности во всех Центральных мирах.

– Лучше бы ты выяснила, что думает Ценком о нашей посадке на Алиот, – сухо обронила Кира.

– Алиот не входит в перечень запретных планет, – заметила Хельва, но все-таки включила экстренную связь.

– Алиот? – воскликнул офицер Ценкома, от удивления утратив свою обычную официальность. – Но мы не обращались к ним с просьбой о помощи. И нам ничего не известно о существовании там банка. Этническая группа, правда, совпадает. Оставайтесь на связи.

Кира, вздернув бровь, взглянула на Хельву.

– Совещаются, и я даже знаю с кем. Ставлю два против одного, что они аннулируют этот заказ.

– Два против одного – чего именно? – насмешливо уточнила Хельва.

– Кей-Эйч, – вновь прорезался Ценком. – Следуйте к Алиоту. Банк у нас не зарегистрирован, но усовершенствования в методах добычи, о которых сообщают торговцы, свидетельствуют о развитии технологии, достаточном для расширенного воспроизводства населения. Там сильная религиозная иерархия, так что воздержитесь от конфликтов. Повторяю, никаких конфликтов. И сразу доложите.

– Плакали твои два, что бы это ни было, – поддела Киру Хельва.

– Ну и ладно, – пожала плечами девушка. – У нас в фильмотеке есть какие-нибудь клипы?

Хельва включила проектор. Сначала шли виды небольшого космопорта. Над столицей царил огромный храм, прижавшийся к склону потухшего вулкана. Широкие лестницы, ведущие ко входу, напомнили Хельве зиккурат. Ей были совсем не по нраву миры, где правят религиозные иерархии, но она отдавала себе отчет в том, что ее мнение никого не интересует. Слишком уж часто религии нагнетают тоску и безысходность... Алиот, четвертая в своей солнечной системе планета, находился слишком далеко от светила, а вулканическая эра, на которую пришелся расцвет местного общества, способствовала возникновению прямо-таки дантовских излишеств. В последней сцене кадры запечатлели процессию факельщиков: темные фигуры, закутанные в плащи с капюшонами, пересекают просторную площадь перед храмом.

– Да, ничего не скажешь – безрадостное местечко, – состроила гримаску Кира. – Но если у них в запасе всего пятнадцать тысяч, мы там долго не задержимся.

Она забренчала веселенький мотивчик, чтобы развеять мрачное впечатление.

– Но они действительно принадлежат к этнической группе, затребованной Неккаром? – с сомнением произнесла Хельва.

– Разве за этими колпаками что-нибудь разглядишь? Как ты думаешь, они так и появляются на свет? В капюшонах? То-то будет сюрприз для неккарцев! – Кира хихикнула, и гитара отозвалась смехом.

– Может быть, в сорочках с капюшонами?

Кира погрозила Хельве гитарой и отправилась осматривать отсеки.

– Дополнительные пятнадцать тысяч штук заставят нас потесниться, – оторвавшись от работы, заметила она, – если учесть, что в Мераке нас ожидают еще двадцать тысяч.

– Алиот находится на пути к Неккару, так что мы можем завернуть туда без особой потери времени. А потом – хой-то-хо! – и аист ринется в следующий полет.

Кира выпрямилась и, сморщив носик, повернулась в сторону Хельвы.

– Не понимаю, какое отношение «хой-то-хо» имеет к аистам?

– Для тебя, может, и не имеет, а для меня – самое прямое. Я ведь как-никак дева в железных доспехах. Почти что Йоройхиме.

– Ха!

Кира замолчала, все ее внимание сосредоточилось на очередном соединении, которое она разглядывала через увеличительный аппарат.

Когда они совместными усилиями закончили проверку, Кира заглянула в камбуз и рассеянно достала с полки банку с кофе. Она заметно приуныла. Впервые за последние несколько дней. Вернулась в рубку, забралась с ногами в пилотское кресло и затихла – только пар от самосогревающего стакана кофе выдавал ее присутствие.

– Аист ринется в полет, людям деток принесет, – произнесла она наконец. – А знаешь ли ты, Хельва, что и я принадлежу к той же этнической группе? И эти искорки жизни – дети таких же людей, как я? С единственной разницей. Они оставили свое продолжение миру, а я – нет.

– Не болтай ерунду, – отрезала Хельва, надеясь предупредить очередной Кириин срыв. – Ведь ты же выполнила свой долг перед БСЧ, когда достигла совершеннолетия, разве не так?

– Нет, не так! – столь же резко ответила Кира. – В том-то все и дело. Тогда я уже повстречала Торна и хотела родить столько детей, сколько мне удастся. Я и думать не желала ни о каком банке, способном гарантировать сохранение хромосом, которые по сути я сама – Кира Фалернова-Мирски с Канопуса. Между прочим, – горько усмехнулась она, – я даже сочинила Дилан, посвященный БСЧ, сплошной блеск остроумия, с нелестными нападками на производителей консервированных детей.

Она резко крутанулась в кресле и посмотрела прямо на Хельву, ее зеленые глаза сузились, выражая горькое презрение к своей тогдашней самоуверенности.

– Одна из многих подробностей моей биографии, которую неизвестный цензор так безжалостно вымарал, заключается в том, что мой единственный ребенок умер, так и не увидев света, умер в утробе своей матери, оставив ее навеки бесплодной...

Кира стиснула тонкими руками свои узенькие бедра.

– И никогда в этом чреве не забьется жизнь, несмотря на все достижения науки. И не останется никакого следа от Торна и того счастья, которое мы с ним пережили. Вот, – она щелкнула пальцами, – награда за нашу чудовищную эгоистическую самоуверенность!

Как раз имея в виду такие случаи, БСЧ и рекомендовал всем взрослым гражданам сдавать свои клетки на хранение. Но какой смысл напоминать об этом Кире? Она и сама слишком хорошо знает свою роковую ошибку.

– Вот почему после смерти Торна я не вернулась в школу, а занялась медициной. Но все мои познания доказывали одно: я не смогу родить, а значит, и возродиться. Наука научилась творить множество чудес, исправлять множество ошибок, только не эту.

Она тяжело вздохнула, но горечь ее была уже не такой отчаянной, как тот первый всплеск. Похоже, подумала Хельва, она смирилась со своим бесплодием, хотя так и не смирилась с необходимостью жить.

– Ну почему, милая Хельва, судьба сыграла со мной такую злую шутку? Почему именно мне выпало на долю сопровождать этот груз?

Хельва воздержалась от ответа. Кира допила кофе и ушла отдыхать. Еще несколько часов, и им предстоит посадка.

На Мерике они управились в рекордно короткое время. Персонал проявил похвальную расторопность и сноровку. Впереди, всего в нескольких днях полета, их ожидал Алиот, а за ним – последний бросок к Неккару. А пока пилот и корабль наслаждались приятным бездельем. Хельва заполняла пробелы в своем музыкальном репертуаре, классическом и старинном, поскольку Кира была большим знатоком народной музыки старушки-Земли и других ныне процветающих планет, относящихся к эпохе ранней колонизации.

Хельва разбудила Киру перед самой посадкой на Алиоте. Девушка быстро переоделась в темную куртку и так туго заплела волосы, что Хельва удивилась, как у нее не заболит голова.

С самой посадки все пошло наперекосяк.

Космопорт находился в тесной мрачной долине, окруженной зубчатыми пиками действующих вулканов континентального хребта Алиот. Им приказали сесть поодаль от приземистого прямоугольного здания, где размещались немногочисленные административные и технические

службы, которыми располагала эта негостеприимная планета. Кира попыталась возразить, на что ей в резкой форме приказали ожидать прибытия наземного транспорта. Он прикатил не слишком скоро – огромный грузовик, набитый мрачными фигурами, облаченными в балахоны с капюшонами. Высадившись, они плотным кольцом окружили место посадки. Их агрессивное поведение, да и само присутствие, наносило прямое оскорбление кораблю с опознавательными знаками Хельвы.

– С какой целью вокруг корабля, выполняющего миссию медицинской службы Централь-ных миров, выстроено оцепление? – решительно обратилась Кира к диспетчерскому пункту.

– С целью обеспечения безопасности груза.

В это время командир звена оцепления попросил разрешения подняться на борт.

– Ну, что будем делать? – тихо спросила Хельва.

– Особого выбора у нас нет, но, по-моему, стоит записать нашу встречу и по экстренной связи передать на Регул.

– У меня возникла такая же мысль, – откликнулась Хельва. – И пожалуй, я пока не стану обнаруживать себя.

– Отличная идея, – согласилась Кира, пристегивая к куртке клипсу связи.

Существовало предостаточно отсталых планет, где сотрудничество подвижной телесной половины – «мускула» – с «мозгом» корабля могло быть неверно понято. В подобных ситуациях напарники зачастую предпочитали до поры до времени скрывать от аборигенов способности умного корабля. А секретная клипса позволит Хельве поддерживать с Кирой двустороннюю аудио- и видеосвязь.

Хельва открыла люк. В шлюзе появился офицер – длинная зловещая фигура в черном балахоне, лицо скрыто капюшоном. Темной тенью он навис над Кирой, из складок одеяния появилась тощая рука. Он прижал ее к груди и спрятанному под капюшоном лицу, изобразив нечто вроде приветствия.

Кира отсалютовала в ответ, ожидая, пока он заговорит.

– Помощник вахтенного офицера Нонет, – выдавил он наконец.

– Медик-спасатель Кира с Канопуса, – с достоинством ответила девушка.

Для Хельвы не осталось незамеченным, что она предпочла назвать родную планету, а не опознавательный знак пилота умного корабля – КН-834.

– Тебе необходимо проследовать в Святой Храм, дабы обсудить процедуру передачи груза, – ровным глухим голосом пробубнил Нонет.

– Время – очень важный фактор при обращении с подобным грузом... – уклончиво начала Кира.

– Время, – перебил ее офицер, – во власти Того, Кто Повелевает. Это он приказал тебе явиться.

– Яйцеклетки готовы к отправке? – спросила Кира, желая получить хоть какую-нибудь информацию.

По складкам балахона, окутывающего тело Нонета, пробежала дрожь.

– Не богохульствуй, женщина!

– Уверяю вас, я не имела подобного намерения, – с достоинством ответила Кира, воздержавшись от извинений.

– Ступай за мной, – тоном приказа произнес офицер.

– Тот, Кто Повелевает, ожидает тебя, – внезапно взвыл глухой, замогильный голос, заполнивший все пространство рубки.

Хельва с уважением отметила, что Кира не обнаружила ни малейших признаков испуга, услышав этот жуткий вопль. Глаза девушки на миг остановились на гладкой овальной пряжке, скрепляющей капюшон Нонета. Хельва, как и Кира, сразу поняла, что это такое – устройство

двусторонней связи, сродни тому, которое было у самой Киры; такие полагалось иметь только персоналу космической службы.

Ну и скандал разразится, когда Центральные миры узнают, что кто-то поставляет сюда приборы строго ограниченного пользования!

– Приказу нужно подчиниться! Сам Храм заговорил! – дрожащим от благоговения голосом выкрикнул Нонет. – Не мешкай.

Так, значит, Храм – женщина! Хельва поняла это по тембру голоса.

– Я выполняю приказы, – уклончиво ответила Кира.

– Такова Вечная Истина, – с важностью склонил голову Нонет.

Видимо, ответ Киры оказался созвучен его религиозным убеждениям.

– Да придет к тебе Смерть в час твоего торжества! – добавил он, сопровождая свои слова замысловатым жестом.

Кира, которая как раз собиралась отвесить смиренный поклон, замерла. Глаза ее впились в скрытое под капюшоном лицо. Было видно, как она потрясена.

– Да придет ко мне смерть в час моего торжества? – недоверчиво пробормотала девушка, побледнев как полотно.

– Разве Смерть – не величайшее благо? – спросил алиотец, явно удивленный ее невежеством.

Хельве ничего не оставалось, как хранить молчание, но лишь огромным усилием воли ей удалось сдержать рвущийся наружу стон протеста. Не требовалось особой сообразительности, чтобы понять заранее: да, смерть на Алиоте – действительно величайшее из благ. Благо избавления от непосильного труда, от тоски и мрака окружающего мира, наполненного удушливыми испарениями зловещих вулканов. Ежедневный риск, сопряженный с добычей расплавленных руд, и вдобавок постоянная вулканическая активность, сотрясающая почву под ногами, неуклонно напоминали о бренности человеческой жизни, пока все помыслы людей не обратились к смерти, способной принести желанное забвение.

Где был хваленый ум Ценкома, когда Кире дали разрешение совершить посадку на Алиоте? Ведь они прекрасно знали о ее душевном состоянии! Здесь ей даже не нужно бороться с психопрограммированием, которому ее так заботливо подвергли.

– Да, Смерть – величайшее из благ. Такова Вечная Истина, – как загнипнотизированная, повторила Кира.

– Иди же за мной, – ласково обратился к ней Нонет, призывно простирая тощую руку.

– Иди! – жадным эхом откликнулся замогильный голос.

Не успела машина отъехать от подножия КН-834, как стоявшие в карауле солдаты зашевелились.

– Она увидит Того, Кто Повелевает, – с завистью вздохнул один из них. – Простоволосая блудница удостоится незаслуженной чести. Скорее наверх! Нужно захватить груз! Подумайте только! Тысячи умрут, чтобы искупить вину перед Тем, Кто Повелевает.

Ну это уж слишком! Хельва застопорила лифтовый механизм и закрыла герметичный шлюз. Пусть выжившие из ума алиотийцы вопят, стучат, гремят – этим они ее не проймут, а серьезного оружия у них на планете нет.

Она включила экстренную связь с Ценкомом. Эти фанатики еще проклянут тот день, когда их религиозная верхушка вознамерилась похитить груз корабля службы, а вдобавок и его пилота!

Хельва бесстрастно просчитывала варианты поведения Киры. Доведенная до отчаяния девушка ищет смерти – это правда. Но Хельва сомневалась, что Кира изменит присяге, служебному долгу. Сама она никогда не пошла бы на это. Алиотийцы не знают, что корабль способен на самостоятельные мысли и поступки. Захватив пилота, они уверовали, что беспомощ-

ный корабль прикован к земле и можно не спеша обрабатывать Киру, чтобы склонить ее на свою сторону и помочь им завладеть тысячами человеческих зародышей.

«А ведь я могла бы просто-напросто убраться отсюда, – подумала Хельва. – Если смерть – та цель, к которой стремятся безумцы, то я вправе без малейших угрызений совести превратить оцепление в пепел. Пусть получают по заслугам. Но я не могу бросить Киру. Во всяком случае, пока. Время еще есть. Куда запропастился Ценком? Всегда его нет, когда он позарез нужен! И почему, во имя всего святого, они позволили Кире высадиться на этой одержимой смертью планете? Да потому, дурища, – ответила себе Хельва, – что они понятия не имеют, куда втравила алиотийцев их религия».

И тут земля под ней содрогнулась. Где-то на севере к небу взвился огненный шар и разорвался, рассыпав сноп раскаленных осколков. За ним последовали еще более ослепительный фейерверк и сильный толчок под хвостовыми стабилизаторами Хельвы. Она приготовилась к срочному взлету на случай, если следующий толчок будет настолько силен, что ее равновесие окажется под угрозой. Далеко на северо-востоке началось новое извержение.

Хельва увидела, как машина, увозившая Киру, подъехала к центральному зданию, и послала девушке мысленный – и, увы, бессильный – приказ сбросить наваждение и активировать связь.

Солдаты, не обращая внимания на сильные подземные толчки, возились у лифта, пытаясь его включить. Капюшоны то и дело спадали, они спешно водворяли их на место, как будто вид открытых лиц являл собой нечто непристойное. Красные отблески взрывов, озаряющие мрачное небо, высвечивали изможденные аскетичные лица, серые от въевшейся вулканической пыли, глаза, потускневшие от скудной пищи и вечной усталости.

Кира вышла из грузовика и в сопровождении унылых стражей направилась к другой машине, поменьше. Несмотря на острое зрение, Хельва скоро потеряла ее из вида – экипаж исчез в лабиринте городских построек. Грузовик развернулся и двинулся в обратный путь – в сторону летного поля, где находилась Хельва.

Самый предприимчивый из нападавших послал своих спутников за передвижным трапом. С большим трудом громоздкое устройство медленно покатило с дальнего конца поля.

Хельва с мрачным удовлетворением наблюдала, как они корячатся. Сами виноваты – нечего было принуждать к посадке так далеко от служб космопорта. Наверное, в постоянно окутывающем Алиот полумраке они не разглядели, что люк надежно задраен.

Яростно чертыхаясь, она снова попыталась вызвать Ценком по экстренной связи. Ее очень беспокоило, что никак не удастся установить контакт с Кирой.

– Значит, у них есть замаскированные средства связи, – бормотала она, припоминая ту, что видела на капюшоне Нонета.

Если это стандартный образец или даже местная подделка, нужно попытаться воспользоваться. Ведь удалось же этой чертовке из Храма послать Кире через Нонета свой приказ!

Не откладывая дело в долгий ящик, Хельва включила диапазон контактной связи. И поспешно выключила, оглушенная обрушившимся на нее бешеным калейдоскопом беспорядочных образов и звуков. Внутренне содрогнувшись от хаотического сенсорного вторжения, она сокрушенно задумалась: как же так получилось, что она установила несколько сотен тысяч контактов сразу? Потом быстро окинула взглядом копошавшихся на поле стражей, которые все еще силились подтащить к ней трап. На шее у каждого красовалась клипса, удерживающая просторный капюшон.

– Силы небесные! – простонала Хельва. – Не иначе, эта религиозная иерархия состоит из одних шизиков! Кто еще может выдержать подобный хаос?

Прилагая все усилия, чтобы не потерять рассудок, Хельва чуть-чуть приоткрыла диапазон, и ее снова бросило в дрожь от неразберихи звуков и образов. Она попыталась сосредоточиться на одном-единственном контакте, но почувствовала, что просто тонет в круговерти

повторяющихся изображений. С таким же успехом можно было пытаться сосредоточиться на кончике булавки, глядя на него через фасеточный глаз мухи.

Вконец обозлившись, она ограничила видимость одним крошечным клочком, из всех сил стараясь принимать лишь одно из множества противоречивых, перекрывающих друг друга изображений, наводняющих ее зрительную систему. Звук она полностью отключила. К счастью, на избранном ею участке каждый обладатель клипсы стремился к одной и той же цели – пересечь необъятную площадь, забитую покачивающимися и кружащимися фигурами в балахонах, развевавшихся по ветру, и достичь подножия широкой лестницы с пологими ступенями, которая поднималась по склону потухшего вулкана. Это и был тот самый зиккурат, который Хельва заметила на пленке.

Вдруг все фигуры дружно накренились. Хельва не сразу поняла, что она сама тоже раскачивается от подземных толчков, распространяющихся от трех вулканов, которые с яростью изрыгали свои внутренности в небо. Она напряглась, выжидая: не окажется ли ситуация в зоне космопорта угрожающей для ее дальнейшего пребывания на этой планете.

В воздухе, затуманенном дымом и газами, вырвавшимся из узких трещин, которые, змеясь, побежали по площади, прокатился экстатический стон. Хельва, и без того пребывающая в некотором смятении, не сразу уловила, что это за газы, и не придавала значения тому, что вопли толпы регистрируют сейчас внешние приемные устройства корабля, а не бесполезные контактные сети.

Она усилила мощность сигнала экстренного вызова, отчаянно пытаясь связаться с Ценком, несмотря на сильные помехи от извержения вулканов. Одновременно она продолжала сужать диапазон контактной связи, боясь потерять Киру из виду. Тем временем собравшиеся на площади алиотийцы воздели руки к небу. Капюшоны упали с блаженных лиц, обращенных к рассыпающим искры затуманенным небесам. Внезапно все стали кружиться на месте, нагибаясь, чтобы глубже вобрать в легкие вздымающиеся пары. Не веря своим глазам, Хельва наблюдала, как все новые люди проталкиваются к трещинам, спеша вдохнуть дымные испарения, а потом неверными шагами бредут прочь – с восторгом на лицах, раскинув руки, пошатываясь, как пьяные.

Только теперь она поняла: эти газы вызывают либо галлюцинации, либо эйфорию, что вдвойне опасно во время массовых извержений. Просторная площадь быстро покрывалась телами алиотийцев, которые либо уже опьянели, либо из всех сил стремились к этому.

От Хельвы не укрылся зловещий замысел – не случайно дурманные газы вырывались из земли как раз на площади перед самым храмом, вместилищем дьявольского культа. Очевидно, столпы храмовой иерархии отлично знали их действие и рассчитывали на него. Подобное коварство наполнило душу Хельвы яростью и возмущением, и она с удвоенным старанием принялась искать Киру и ее конвоиров. Наверняка они оставят свой экипаж у южного края площади и дальше пойдут пешком.

Наконец ее пристальный взор сопоставил множество изображений одной и той же группы. На этой обезумевшей планете просто не могло быть двух одинаковых стройных фигурок с непокрытой головой! Кира только что ступила на площадь, ее неуклонное продвижение к ступеням зиккурата сдерживал водоворот трясущихся, конвульсивно дергающихся, опьяневших до невменяемости людей.

Снедаемая тревогой, Хельва снова расширила диапазон и попыталась, переходя от контакта к контакту, добраться до Киры. Эффект получился ошеломляющий – как будто перед ней на одном экране, бешено сменяя друг друга, замелькали кадры тысячи разных фильмов. Впервые в жизни Хельва почувствовала головокружение и тошноту. Ощущение надвигающейся беды все усиливалось, она отчаянно пыталась установить контакт, пока девушка еще не ступила под своды Храма Смерти. Он покоился на самом верху огромного зиккурата, в опасной близости от старого вулкана, и наверняка был насыщен галлюциногенными газами.

Хельва поблагодарила спасательную службу за проявленную предусмотрительность – благодаря полученной обработке Кира была нечувствительна к галлюциногенам. Тем не менее девушка двигалась будто в трансе, можно было подумать, что ядовитая атмосфера все же сделала свое дело.

У Хельвы вырвался бессильный стон: ей никак не удавалось дотянуться до Киры – ни физически, ни мысленно.

– О-о-о-о-о! – пролетел над толпой ее вопль.

– Храм рыдает! – сдавленным воплем откликнулись тысячи голосов.

И даже стражники, которые все еще сражались с тяжеленным трапом, эхом подхватили этот крик.

Хельва изумленно охнула. Похоже, каждое ее слово транслируется на весь Алиот! Ее предположение подтвердилось: толпа послушно повторила и ее вздох. Вот оно что: ее голос принимают за глас Храма.

Не обращая внимания на дробящееся изображение, Хельва пристальнее вгляделась в цилиндрическую оконечность Храма, и внезапно до нее дошло то, чего она до сих пор не осознавала. Цилиндр – это лежащий на боку корабль, чей нос и хвостовое оперение погребены под толстым слоем пепла и лавы, а вход в Храм – не что иное, как воздушный шлюз! Рядом со шлюзом Хельве удалось разобрать еле заметный опознавательный знак ММ-корабля, принадлежащего Центральным мирам.

И сразу все стало на свои места. Она услышала о ней в тот самый день, когда погиб Дженнан. Хельва вспомнила, что Сильвия упоминала еще один корабль, как и она, охваченный безутешной тоской. Кажется, она даже называла ее номер: 732. Да, трудно найти место, где можно лучше оплакать утрату, чем этот сумрачный темно-багровый мир, словно специально созданный для вечной скорби. А может, 732, стремясь кануть в раскаленное жерло извергающегося гиганта, в последний миг по стечению обстоятельств отклонилась от огнедышащей пасти и неподвижно застыла в потоке лавы у подножия вулкана? А потом, обратив истерзанный разум на этот унылый мир, стала принуждать несчастных тысячами идти на смерть во искупление гибели своего возлюбленного?

В этот миг прозрения Хельва со всей ясностью осознала свой долг, и ей сразу пришел в голову план, ведущий к успеху. С гениальной находчивостью, порожденной полным отчаянием, она запела – глубоким бархатным баритоном, окрашенным печальным томлением, подчинив разум чистой интуиции:

– Смерть, приди и дай забвенье.

А когда алиотийцы, как замороженные, покорно повторили первую строку, пропела фразу еще раз, но на терцию выше. У Хельвы возникло ощущение, что ей послушно вторит огромный отлично спететированный хор, и она без колебаний использовала этот феномен для осуществления своего замысла.

– Я устал, но сон нейдет...

И на квинту ниже:

– Думы разум истерзали...

А потом снова вверх, сразу на целую септиму, создавая рассчитанный диссонанс с хором, монотонно повторяющим предыдущую строку, диссонанс, задевающий внутренние струны, наполняющий душу невыразимой тоской:

– Все забыть, отдохнуть, умереть... – пела Хельва, меняя тембр на щемящий, проникновенный тенор. И снова вниз, к первой музыкальной фразе, но на этот раз баритон вложил в нее горькое презрение:

– Смерть, приди и дай забвенье.

Все забыть, отдохнуть, умереть...

Последнее слово прозвучало мощным крещендо, наполненным жестокой издевкой, и перешло в насмешливый шепот, который еще долго висел над площадью, когда плач хора, покорно взлетевшего на септиму вверх, уже затих.

– Ценком вызывает Кей-Эйч-восемь-три-четыре, отвечайте! ОТВЕЧАЙТЕ! – суровый официальный голос Ценкома базы Регул пробился даже сквозь фантастические музыкальные импровизации Хельвы.

– Спасите наши души! – переходя на резкое, вибрирующее сопрано, выкрикнула Хельва.

Голос ее был услышан и по экстренной связи, и на контактном диапазоне алиотийцев. Хор с готовностью подхватил громкий сигнал бедствия. Хельва затаила дыхание – она увидела, как Кира непроизвольно вздрогнула, услышав знакомый призыв.

– Спасать ваши души? – переспросил Ценком. – Вы с ума сошли! Это же надо дойти до такой дури – диланизировать на весь Алиот!

И тут Хельва ошеломленно поняла, что именно этим она и занимается, – диланизирует! Отчаянный призыв к Кире – единственный способ, который ей оставался, чтобы избавить девушку от наваждения, – соединившись с музыкой, обрел форму дилановского протеста, воздействующего на глубину подсознания. Хельву захлестнула волна радости: теперь она знает, как использовать этот эффект в своих целях!

Едва заметно ускорив темп, она снова повторила первую строку, но теперь это было не тоскливое легато, а насмешливое стаккато. Пока хор с упорством идиота повторял за ней фразу, копируя мельчайшие оттенки, она торопливо доложила Ценкому:

– Глава религиозной иерархии Алиота – беглый корабль семь-три-два. Религиозная мотивация – смерть!

– А напарница? Где твоя напарница? – поперхнулся Ценком.

– Сообщите отключающий код для семь-три-два! – прошипела Хельва и запела вторую строку Дилана, все сильнее ускоряя темп и вкладывая в звук максимальную силу убеждения.

– Отвечай! – не унимался Ценком.

– Нет у меня времени объяснять, дубина ты стоеросовая! – рывкнула Хельва. – Давай отключающий код!

Она взметнула голос на полторы октавы вверх, переходя в регистр драматического тенора. Следующая фраза стрелой взвилась над площадью, неся звуковой заряд такой пронзительной силы, что он просто не мог не разрушить транс, охвативший ее напарницу.

Сопровождающие Киру стражи брели, пошатываясь, как пьяные. На них тоже сказывалось действие коварных паров, заполнивших всю площадь. Они держали девушку за руки, но Хельва, вынужденная следить за ней со своего места в последнем ряду огромного хора, не могла разглядеть, удерживают они свою пленницу или цепляются за нее, чтобы устоять на ногах. Кира, единственная на всей площади, была неуязвима к действию галлюциногенных газов.

– Все забыть, отдохнуть, умереть! – насмешливо гремел тенор, яростно бичуя стремление Киры к смерти.

– Зря стараешься, – скептически заметил Ценком. – Разве не видишь? Она решила умереть.

– ОТКЛЮЧАЮЩИЙ ПАРОЛЬ! – вновь переходя на звонкое сопрано, возопила Хельва по экстренной связи и тут же возвысила над толпой оглушительный, исполненный грозной силы голос, гремевший ожесточенным протестом:

– Все забыть, отдохнуть, умереть!

Последняя фраза язвительной издевкой разнеслась над площадью. Хор, не в силах повторить ее на той же невероятной высоте, спустился на октаву ниже, и насмешливый вызов, которому аккомпанировал рокот извергающихся вулканов, волной прокатился по толпе.

Внезапно Хельву потряс беззвучный толчок страшной силы. Все в ней будто перевернулось, беспорядочные обрывки образов соединились в единое целое. Она увидела мрачную камеру, тускло освещенную красноватым отблеском пламени, и в ней – Киру! Перейдя на ночное зрение, Хельва смогла как следует разглядеть помещение и тотчас заметила ее жуткого обитателя.

На черной базальтовой плите, приподнятой над полом, покоились разложившиеся останки того, кто некогда был человеком. обнажившиеся зубы белели в злобной пародии на улыбку. Шейные сухожилия натянулись, как струны. Хрящ гортани уходил под ворот нетронутым тлением пилотского комбинезона. Руки, сложенные на раздавленной смертельным ударом груди, соединяли отросшие после смерти ногти. Мертвый напарник 732 торжественно возлежал на траурном возвышении, будто выставленный для последнего прощания.

Хельва увидела его через Киру клипсу... наконец-то!

Вдруг камеру заполнил тоскливый рыдающий звук. Монотонный и бессмысленный, он, казалось, исходил отовсюду – из стен, пола, потолка. Это обезумевший от горя «мозг», заточенный в неразрушимую титановую капсулу, разомкнув все контуры, забыв обо всем на свете, предавался неизбывной скорби.

До передела убавив звук, Хельва чуть слышно шепнула Кире:

– Это беглый семь-три-два. Он совсем обезумел. Придется его уничтожить.

Зная о том, что ей предстоит сделать, Хельва предпочитала думать о 732 как о безымянном корабле, а не женщине, которой когда-то был этот несчастный «мозг».

Кира вздрогнула, но ничего не ответила.

На какую-то страшную долю секунды Хельва задумалась: а вдруг Кира включила связь случайно? Вдруг она по-прежнему находится во власти непобедимого желания умереть? Удалось ли рожденному Хельвой Дилану едкой издевкой развеять наваждение, влекущее девушку к самоубийству? Сумела ли Хельва вырвать свою напарницу из опасного забвения? Отключающий код окажется бесполезным, если «мускул» Хельвы не поможет ей обезвредить безумный «мозг».

Кира медленно приблизилась к возвышению, на котором покоился ужасный труп. Рыдания стали громче, постепенно в бормотании 732 уже можно было разобрать отдельные слова:

– Он ушел. Тот, Кто Повелевает, ушел, – заунывно причитала 732, и толпа подхватила ее слова с такой же готовностью, как и Дилан Хельвы. – Он ушел, мой Сибир, ушел навеки...

Нет, только не это! Хельва почувствовала, как ее душу наполняет тоскливая безысходность.

В этот миг на фоне причитаний 732 послышался чей-то посторонний голос:

– Знаешь, Лия, этот карлик не так уж безобиден. – Он звучал так гнусаво и неразборчиво, что с трудом можно было узнать отдельные слова. – Я ничуть не удивлюсь...

Да это же мужской голос, вдруг поняла Хельва. Просто пленка движется на замедленной скорости, поэтому он и звучит с таким странным завыванием. Очевидно, корабль уже столько раз прослушивал запись, что голос Сибира претерпел такие же невозможные изменения, как и его труп.

Между тем Кира, грациозно покачиваясь, приблизилась к пульту управления.

– Говори же, Сибир, позволь рабе твоей Кире вновь услышать певучую музыку твоего бесценного голоса, – промурлыкала она, склоняясь перед пилоном, за которым скрывалась капсула безумной 732.

Хельва едва сдержала крик несказанного облегчения – она поняла намек, который дала ей Кира.

– ЦЕНКОМ, ОТКЛЮЧАЮЩИЙ КОД, СРОЧНО! – с мольбой крикнула она в микрофон экстренной связи.

И услышала, что стоны 732 внезапно смолкли. Хельва почти ощутила, как корабль затаил дыхание.

Ну где же этот чертов Ценком?

– Лия, я почти ничего не слышу, ужасные помехи... Попробуй наладить связь. Это карлик черт знает что вытворяет...

Даже Кира невольно подскочила, услышав, как Хельва, перейдя на баритон, отчаянно импровизирует, подражая голосу Сибера:

– Ничего не могу разобрать... Лия! Лия! У тебя что, контакты распаялись?

– Это ты, Сибер? – воскликнул безумный корабль, и в голосе его прозвучала иступленная надежда. – Я в западне, в страшной западне! Меня снесло с курса, когда взорвалась вершина вулкана. Я хотела умереть, умереть вместе с тобой!

Кира отчаянно боролась с драпировками, скрывающими доступ к смотровой панели. Ее стражи, почуввав угрозу святотатства, стряхнули оцепенение и бросились вперед, чтобы остановить девушку. Но она с неожиданной силой двинула одному в челюсть, потом, поднырнув под второго, перекинула его через себя, да так ловко, что он ударился головой о каменную плиту и затих.

– Кей-Эйч, слушай отключающий код: на-зом-те-ах-ро, и следи за тональностью!

И Хельва, отчетливо сознавая, что убивает себе подобное существо, передала 732 отключающий код. Слоги, прозвучавшие каждый на своей, строго определенной высоте звука, отключили механизм, запирающий смотровую панель, и Кира, ловко сняв ее, открыла клапан, пустивший в оболочку усыпляющий газ.

– Где ты, Сибер? Я не вижу тебя... – взметнулся жалобный вопль 732 и, оборвавшись, смолк навеки.

Панель со щелчком встала на место. Кира задернула драпировки и стремительно обернулась – в главный зал уже вваливались закутанные в балахоны фигуры.

– Стойте! – голосом Лии приказала Хельва. – Тот, Кто Повелевает, принял решение. Отведите простоволосую блудницу обратно. Не пристало избранным Алиота касаться дьявольского семени.

Кира, сделав вид, что снова погрузилась в транс, под конвоем пошатывающихся стражников двинулась обратно к лестнице.

– Хельва, что там у вас, черт побери, происходит? – донесся из динамика экстренной связи голос Ценкома.

– Он принял решение, – простонала толпа фанатиков на площади, покачиваясь в клубах галлюциногенных паров.

– Хельва! – взвизгнул Ценком.

– Да заткнитесь вы все, наконец! – устало огрызнулась Хельва, она была на грани срыва.

– Он принял решение – вот Вечная Истина.

Хельва напряженно ждала, пока не убедилась, что вконец одурманенные, еле бредущие алиотийцы не помешают Кире вернуться. Да они бы при всем желании не смогли ничего сделать: бедняги сотнями валились наземь, сраженные наркотическими парами и неистовым возбуждением.

– Советую подготовить внятное объяснение. На каком основании ты умышленно нарушила запрет, изложенный в полетном задании и касающийся диланистских...

– Я сейчас и тебя задиланизирую, придурок несчастный, – злобно огрызнулась Хельва. – Цель оправдывает средства. И еще, смею напомнить, что по какой-то причине, неведомой ни людям, ни самому Всевышнему, Алиота в вашем списке запрещенных для высадки планет НЕ БЫЛО, хотя, видит бог, он должен был его возглавлять!

Ценком возмущенно закудахтал.

– Держи себя в руках, – язвительно посоветовала Хельва. – Я отыскала вашу давным-давно пропавшую беглянку Эс-Эль-семь-три-два и убила ее. И вдобавок подвергла вашу бесценную Киру с Канопуса суровой, но зато весьма эффективной терапии. Чего, спрашивается, вы еще хотите от одинокого мозга, к тому же заключенного в капсулу?

Оскорбленное молчание Ценкома длилось долгих шестьдесят секунд.

– Где Кира?

Хельва могла бы поклясться, что голос собеседника звучит виновато.

– С ней все в порядке.

– Пусть выйдет на связь.

– Я же сказала: с ней все в порядке, – теряя терпение, громко повторила Хельва. – Она возвращается из храма.

Не успела доставившая Киру машина со скрежетом затормозить у лифта, как корабль снова затрясся от подземных толчков. Хельва разблокировала запорный механизм, и Кира, не дав своим спутникам времени опомниться, вскочила на платформу лифта. Земля под кормовыми стабилизаторами вздымалась. Хельва, дождавшись, когда Кира выпрыгнет из шлюза и нырнет в пилотское кресло, задраила люк и резко стартовала с угрюмого, негостеприимного Алиота.

Хвостовые камеры показали им разбегающийся врассыпную караул и валящийся набок трап. Над стремительно удаляющейся планетой взметнулись яркие вспышки – это вулканы посылали прощальный салют.

– Докладывает «мускул» Кира с борта Кей-Эйч-восемь-три-четыре, – сбрасывая куртку, бодро отрапортовала девушка по экстренной связи.

Хельва ожидала, что на пол посыплется дождь заколок, но Кира, чинно выпрямившись, застыла перед микрофоном. Она дала сжатый отчет о происшествии на Алиоте и потребовала объяснений: почему торговцы ни разу не сообщили о том, что видно невооруженным глазом: каждый местный житель носит компактное устройство связи служебного образца. И второе, прямо-таки преступное упущение – почему нет никаких сведений о том, что газовые выбросы обладают галлюциногенным действием?

– Галлюциногенные газы? – слабым голосом отозвался Ценком.

Такие сюрпризы – сущий кошмар в деле колонизации новых планет: уже не раз бывало, что население становилось жертвой преступного применения дурманящих паров, как это случилось на Алиоте.

– Настоятельно рекомендую допросить всех торговцев, которые за последние пятьдесят лет имели сношение с Алиотом, и выяснить, по какой причине они скрыли эти сведения от Центральных миров. И еще: установите личность недоумка из ЦМ, который открыл эту вконец одуревшую планету для колонизации.

Ценком разразился невнятным бульканьем.

– Кончайте кудахтать, – самым любезным тоном произнесла Кира, – и срочно вышлите туда команду планетной терапии. Предстоит переориентировать население целой планеты на выживание. Мы отправим вам с Неккара подробный отчет, а сейчас мне нужно проверить наших детишек. Взлет был не очень гладкий. У меня все.

Кира отключилась.

Гибким движением она встала с кресла, тряхнула головой – только косички разлетелись – и, энергично растирая затылок, направилась к камбузу.

– Голова просто разламывается, – пожаловалась девушка, доставая упаковку кофе. – Этот газ так омерзительно воняет!

Она устало прислонилась к стене, плечи безвольно поникли.

Хельва выжидала. Она знала, что Кира еще не избавилась от воспоминаний о пережитом.

– Чем ближе я подходила к храму, тем глубже погружалась в густой мрак безысходной тоски. Понимаешь, Хельва, он был почти осязаем, – задумчиво проговорила она и вдруг добавила без всякой жалости к себе: – И я бездумно отдавалась ему... Пока меня не достал твой Дилан.

Глаза ее восторженно распахнулись.

– У меня просто мороз пошел по коже! А последний аккорд пронзил до самого нутра, – простонала она, для пущей убедительности прижав кулачок к животу. – Торн отдал бы все на свете, лишь бы сочинить Дилан такой невероятной силы! – плечи ее судорожно вздрогнули. – А этот кошмарный труп!

Она зажмурила глаза и передернулась, но тут же резко тряхнула головой, отгоняя мрачное виденье.

– Знаешь, – задумчиво прищурившись, пробормотала она, – теперь я понимаю, что и сама пережила нечто подобное... с Торном.

– Пожалуй, так оно и было, – тихо согласилась Хельва.

Кира маленькими глотками прихлебывала кофе. Теперь, когда на смену показной веселости пришел внутренний покой, лицо ее, несмотря на усталость, выглядело оживленным.

– Ну какой же я была душой, – с горькой насмешкой проговорила она.

– Даже Ценкому случается сесть в лужу, – напомнила Хельва.

Кира заразительно расхохоталась.

– Такова Вечная Истина! – провозгласила она и, приплясывая, закружилась по кабине.

Хельва одобрительно следила за этим победным танцем. Что касается Киры, исход дела ее несказанно радовал. Да и себя она не могла упрекнуть за то, что пришлось убить свою почти сестру: Лия умерла давным-давно, не пережив своего пилота. Наконец-то этот измученный рассудок обрел покой. И Кира обрела свой покой. Теперь они вместе продолжают полет аиста, собирая детишек...

Внезапно Хельва издала ликующий вопль. Кира аж вздрогнула от неожиданности:

– Что это на тебя нашло?

– Послушай, выход невероятно прост! Не могу поверить, чтобы тебе его до сих пор никто его не подсказал. Или, может быть, ты сама не захотела?

– Я так никогда и не узнаю, о чем речь, если ты мне наконец не скажешь, – поддела ее Кира.

– Одна из причин твоей одержимости горем...

– Я уже с ним справилась, – резко перебила Кира, глаза ее сверкнули гневом.

– Не смеши меня! Так вот, одна из причин в том, что вы с Торном не оставили потомства – так?

Кира стремительно побледнела, но Хельва продолжала гнуть свое:

– Но я уверена, что ни его, ни твои родители, в отличие от вас, не свалили дурака и выполнили свой долг пред БСЧ. Я не ошиблась? Так что их семя и поныне хранится там. Остается взять яйцеклетку твоей матери и сперму его отца, и...

Глаза Киры недоверчиво расширились, рот приоткрылся, лицо озарилось робкой надеждой. По щекам побежали ручейки слез. Она осторожно протянула руку и легонько коснулась смотровой панели.

Хельва увидела, что Кира приняла ее идею, и душа ее наполнилась странным, неизъяснимым ликованием. Вдруг девушка судорожно вздохнула, и на лице ее мелькнуло недоумение.

– А ты сама... Почему бы тебе тоже не взять яйцеклетку твоей матери...

– Нет! – резко ответила Хельва. Потом добавила, уже мягче: – В этом нет необходимости.

Теперь она поняла – и умом, и сердцем, – что каждый переживает горе по-своему, каждый находит свой выход: и она, и Кира, и Теода.

Вид у Киры был сокрушенный и слегка виноватый – как будто она не чувствовала себя вправе воспользоваться предложением Хельвы, если та сама от него отказывается.

– В конце концов, – со смешком в голосе проговорила Хельва, – не многие женщины... – Она сознательно и даже гордо употребила это слово, зная, что сама, как и ее свободно передвигающиеся сестры, может с полным правом именовать себя так. – Не многие женщины произвели на свет сразу сто десять тысяч младенцев!

Кира залилась веселым смехом – аналогия привела ее в неопиcуемый восторг. Потом схватила гитару и громко заиграла вступительное арпеджио. И вот уже голоса пилота и корабля, гармонично сливаясь, вознесли к изумленным звездам мелодичную серенаду Шуберта.

Путь их лежал к Неккару и к избавлению.

Глава 4

Драматический полет

Хельва убавила звук. Какое счастье, наконец-то убрали все трубки с эмбрионами и баки с питательными смесями! Правда, ее не радовал разгром, который учинили на борту монтажны. Можно подумать, ей мало царাপин, оставленных на полу металлическими стеллажами, и пятен от питательной жидкости на обшивке! Но следовало помалкивать: даже в пилотской каюте наблюдались явные следы долгого обитания, а уж Кире Фалерновой никак нельзя отказать в опрятности.

Однако у Хельвы не было ни малейшего желания явиться на Регул в затрапезном виде и уж тем более предстать замарашкой перед новым «мускулом», если он ее там ожидает.

Все это она и высказала другому умному кораблю, который коротал время по соседству. Расположились они неподалеку от торговых складов космопорта Неккар.

– А по-моему, Хельва, это неразумная трата денег, – ворчливо говорил Амон, ТА-618. – Откуда ты знаешь, что новый напарник оценит твой вкус? Пусть лучше сам заплатит, из своего жалованья. Надо шевелить мозгами, иначе никогда не избавишься от кабалы. Я вообще не понимаю, почему тебе так не терпится посадить себе на шею очередного напарника.

– Просто я люблю людей.

Амон насмешливо фыркнул. Не успев приземлиться, он сразу принялся жаловаться на пороки и недостатки своего «мускула». Хельва напомнила себе, что Амон с Трейсом провели бок о бок пятнадцать галактических лет, а значит, начался, как говорят, самый трудный период любого длительного союза.

– Интересно, как бы ты запела, если бы тебе пришлось терпеть их у себя на борту подолгу! Вот узнаешь, что это за удовольствие – всегда угадывать наперед, что скажет твой «мускул», – тогда, может быть, поймешь, каково мне приходится...

– Мы с Кирой Фалерновой провели вместе три года...

– Сравнила! Ты же знала, что это временное назначение! На таких условиях можно примириться с чем угодно. А вот когда ты неотвратимо уверен, что впереди двадцать пять, а то и тридцать лет...

– Если все так уж скверно, попроси замену, – предложила Хельва.

– И прибавь неустойку к тому долгу, который на мне висит?

– Извини, я совсем забыла, – поспешно ответила Хельва.

Она сразу поняла, что ее совет не очень-то уместен. У Амона были свои причины для недовольства: не так давно он столкнулся с тучей космического мусора, и это стоило ему замены половины носовой обшивки. А цены на ремонт и обслуживание станции, не принадлежащие мирам, заламывают просто грабительские. В свою очередь Центральные миры доказали, что причиной аварии явилась его собственная оплошность, и он не получил ни страховки, ни компенсации.

– Ну, предположим, попрошу я замену, – кисло продолжал Амон, – тогда придется соглашаться на первого попавшегося напарника, и никаких тебе отказов.

– Да, ты прав.

– Ведь это не меня благодарные некарцы завалили двойными премиями!

Упрек был настолько несправедлив, что Хельва едва не ответила резкостью. Но все же сдержалась и лишь кротко выразила надежду, что все потихоньку образуется. Амону был нужен не советчик, а сочувствующий слушатель.

– Послушай того, кто на этом деле собаку съел, – смягчившись, изрек Амон. – Хватайся за каждый одиночный рейс. Копи премии, пока они к тебе плывут. Тогда потом ты сможешь поторговаться с мирами. Мне не повезло. А вот и мой напарничек...

– Я вижу, он торопится.

– Интересно, кто придал ему такое ускорение? – ехидно буркнул Амон.

И Хельва задумалась: уж так ли виноват его партнер? В конце концов, умные корабли – те же люди...

Тогда-то она и услышала по межкорабельной связи возбужденный голос Амонова напарника:

– Амон, старина, срочно снимаемся! И во весь дух обратно на Регул! Мне только что сказали...

Связь прервалась.

В этом весь Амон – взять и зажать хорошие новости!

Хельва даже не обиделась. «Пусть ему хоть на этот раз повезет», – мысленно пожелала она, переключаясь на наружные камеры, чтобы увидеть взлет коллеги. Если он получит выгодный рейс и вдобавок премию за доставку груза, то быстрее сможет выплатить свой долг. И даже разобраться с напарником. «Мускул» заглядывал к ней на борт в тот день, когда они с Кирой прибыли на Неккар, и показался ей вполне симпатичным. «Но такой поступок – это просто мелочность», – подумала Хельва. И тут ей пришло в голову, что новость, которую принес пилот ТА-618, наверняка пришла не по экстренной связи.

– Диспетчерская космопорта Неккар? Это Икс-Эйч-восемь-три-четыре.

– Хельва? Я как раз собирался с тобой связаться. Ты довольна нашими эксплуатационщиками? Если тебе что-нибудь понадобится, скажи им, не стесняйся, – любезно предложил диспетчер.

А ведь совсем недавно некарцы пережили такое страшное бедствие! Вот уж кто, казалось бы, имел все основания жаловаться, а не этот зануда Амон.

– Я только хотела узнать, почему Ти-Эй-шесть-один-восемь так поспешно умчался.

– Да, новость, конечно, потрясающая! Живешь и не знаешь, что творится в соседней звездной системе! Я всегда говорил: чего только не бывает на свете. Но кто бы мог подумать, что людям... если, конечно, их можно назвать людьми... могут понадобиться какие-то древнящие пьесы? Нет, ты можешь себе такое представить?

Диспетчер так долго гоготал, что Хельва начала терять терпение.

«И этот придурак Амон еще недоволен, когда знает наперед, что скажет его напарник!» – размышляла она, терпеливо дожидаясь, пока весельчак наконец выдаст что-нибудь осмысленное.

– К сожалению, не могу: ведь вы так и не сказали мне, что именно вам стало известно, – сказала Хельва, поняв, что диспетчер и дальше собирается ходить вокруг да около.

– Извини. Я думал, вы, корабли, всегда держите, ушки... прошу прощения... связь с другом. Обычно я пользуюсь только проверенными данными, а на этот раз сведения получены сразу по двум каналам – я уже говорил об этом пилоту Трейсу. Разведывательный корабль, направлявшийся к Бете Корвуса, ну, или Ворона, зарегистрировал регулируемые энергетические всплески. И засек их источник – им оказалась шестая планета, у которой, каким бы невероятным это ни показалось... аммиачно-метановая атмосфера! Впервые слышу, чтобы в такой среде существовала разумная жизнь, а ты?

– Я тоже. Продолжайте, пожалуйста.

– Не успел экипаж снарядить зонд, который имел бы шансы уцелеть в таком, с позволения сказать, воздухе... – Он снова загоготал.

– Скорее всего, то, чем мы дышим, для них не меньшая отравы, – заметила Хельва.

– Ну да, конечно. Так вот, пока они телились, корвики сами установили с ними контакт. Как тебе это нравится?

– Я вся внимание. Никогда не слышала ничего более интересного.

– Неудивительно, что служба уцепилась за них руками и ногами. Предложили корвикам обмениваться научной информацией и пригласили присоединиться к Федерации Центральных миров. Послушай, – диспетчер задумался, – а с чего наши взяли, что их уровень по шкале цивилизаций достаточно высок, если даже не спустили зонд на поверхность планеты?

– Если корвики смогли установить контакт с кораблем и вдобавок балуются регулируемые энергетическими всплесками такой силы, что их можно зарегистрировать за пределами их солнечной системы, то я опасаюсь, как бы наш уровень на их шкале цивилизаций не оказался слишком низким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.